

Анастасия Бойко



Наследие Богов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Бойко
Наследие богов

«Автор»

2025

Бойко А.

Наследие богов / А. Бойко — «Автор», 2025

В суровых землях Нормара в каждом доме можно услышать сказку про чудищ, что приходят в непроглядной тьме да на поля кровавых битв. И остается лишь молиться богам, когда становишься добычей в собственном доме. Юная Мирна — младшая наследница северных земель, чья судьба переплетается с судьбой всего мира, полного древних тайн и могущественных сил. Когда древнее зло пробуждается, а судьбы людей оказываются вплетены в паутину божественных интриг, Мирне и её соратникам предстоит сделать выбор, от которого зависит будущее всего мира. Им предстоит пройти путь испытаний, обрести новых союзников и разгадать, какое наследие за собой несут древние боги. Захватывающее фэнтези о чести, долге и борьбе за выживание в мире, где боги вмешиваются в судьбы смертных, а древние пророчества начинают сбываться.

© Бойко А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Земли ветров	5
Горы Брей	5
Мирна	7
Скьельд	13
Исгерд	17
Мирна	24
Ингвальд	28
Хэльвард	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анастасия Бойко

Наследие богов

Глава 1. Земли ветров

Горы Брей

Ветра веками дарили и отнимали надежду. Ни разу не очутившись близ ледяных гор Брей, можно было легко подумать: «Да что такого может этот ветер?» И оттого эти лишенные всякого разума несчастные подвергались самым жестоким испытаниям из всех, что возможно представить.

Обманчивые и жестокие ветра непрестанно покрывали обжигающими поцелуями усталые лица путников, пожирая последние искры тепла. И горы, непостижимые вершины которых те скрывали в белоснежном мареве, им благоволили, запирая смертные тела некогда живых в вечных льдах. Оставляли их неизменно прекрасными. Отправляли несчастные души бродить в ужасающих свирепых бурях.

Раскаленная докрасна земля с грохотом трескалась, извергая лаву и превращаясь в пыль, кружащуюся в мерцающем разгоряченном воздухе, оседающую вокруг. Пепел застилал все вокруг, въедался в глаза, оседал горечью на растрескавшихся губах, вторгался проворной ядовитой змеей в самое утро.

Он без страха погружал босые ступни в обжигающую лаву, брел сквозь заледеневшие снега, не обращая внимания на застрявший в животе топор, и уже не надеялся найти выход из огненных вихрей Файрхолта. Его хрупкий разум рушился под пронзительным цепким взглядом человека в белоснежных одеяниях, что казались легче совиного пера. Да и человека ли? Кто способен выдержать вечный холод? Разве что мертвец, чей дух насильно заточен во льдах своенравных гор.

Он вел все еще живого человека, поддерживая в нем угасающую нить жизни. Вел по извилистой пустой дороге, известной лишь ему, молясь глухим к нему богам на этот раз закончить свое жалкое существование, подобие жизни, коей он и не помнил.

Последние шаги. Шаги по устланному ледяной прозрачной коркой выступу горы. Шаг, и иллюзия растекается, возвращая на мгновение сознание и боль. Лишь на мгновение. Но оно позволило ощутить краткий миг полета, увидеть кольцо острых сверкающих черных каменных шипов и спрятанный посреди тех от неведомых жадных взглядов алтарь. Позволило услышать песнь давно ушедших, позабытых вельв.

Семеро женщин, что по ошибке можно было принять за матерей и дочерей одного рода, приближались к алтарю, не оставляя за собой ни отпечатков, ни следов длинных бесформенных одеяний. Напоминающая тончайшую призрачную паутину кожа трепетала от едва доносящихся порывов ветров, проваливаясь внутрь меж тонких хрупких костей. Некогда серебристые длинные локоны больше не покрывали их обескровленные черепа, сокрытые за слоистыми вуалями.

Отринувшие смерть и избравшие скитание, они проделали бесконечно долгий путь в наконец завершившихся вечных поисках. Они позабыли о человеческом начале, оттого не нужны более им глаза, ослепшие, белесые, сокрытые за истлевшими от времени повязками. Мир пред их взором предстал не таким, каким видят его люди или птицы. Потоки силы и времен смешались воедино с пространством вокруг, позволяли заглядывать на краткий миг в полотно прошлого и грядущего, в судьбы любой сущности.

Женщины бесстрастно наблюдали, как пал на алтарь воин Хьерда, окропив землю вокруг едва теплыми багряными каплями, мгновенно превратившимися в льдистые мерцающие драгоценные кристаллы. Младшая из вельв подняла голову к выступу, выискивая почти растворяющуюся в ветрах силу, и глухо произнесла:

– Ты исполнил свое предназначение. Будь свободен, дух, но не жди перерождения.

Столь желанные слова для давно утратившей свободу души. Мертвец, наклонившись над обрывом и содрогаясь всем телом, с трудом поклонился в знак величайшего почтения. Его тело стало развеиваться блеклым прахом, подхватываемым ледяными потоками ветров. Он ждал свободу века и рад возможности уйти за грань. Но и помнил предсказание вельв о расплывающейся тьме, услышанное еще при жизни. Единственное воспоминание, что он пронес сквозь толщу времен. И, признаться самому себе, надеялся, этот день не настанет долгое время.

Наивный старый глупец, что не обрел мудрости ни при жизни, ни в смерти. Ведь в последние года ветра подсказывали, сколь близок их мир к гибели. Они лучше всех других знали о происходящем. Наблюдали с выси небес, проникали в самые крохотные щели. И, проходя сквозь кости умершего, шептали о страшном и неизбежном, надеясь быть наконец услышанными.

Ветра окружили вельв непроходимой ледящей стеной, слизывая запах крови, наполняя воздух древней мелодией. Предсказательницы отбросили вуали, позволяя столь тусклому и одновременно яркому свету падать на покрывающие шрамами руны на бледнокожих лицах. Низкими дрожащими поначалу голосами они хрипло зашептали песнь к богам. Неуверенно, боясь ошибиться и подвести остальных сестер.

С каждой произнесенной строкой становились их языки сильнее и певучей, вспоминая давно забытые наречия. Воздух становился плотнее в разгорающемся ледяном буране. Из сокрытых от людских взглядов глубин гор стали доноситься низкие утробные звуки, вторя песне, точно древние обитатели гор возвещали барабанными ударами о происходящем. Ветра не давали разбушевавшимся снегам поглотить слабые тела женщин. А вельвы без остатка отдавали всю свою силу алтарю.

Холод стал наполнять тела названных сестер, тихо красться к затихающим слабым сердцам, сковывая их липким страхом. Ведь кто они без магии? Ни живые, ни мертвые. Лишь женщины, что боятся смерти, как и другие. Женщины, которым отвели чуть больше времени и взамен забрали нечто ценное.

Наполнившийся мощью алтарь запульсировал в такт биению сердец. Песнь окончена. Вместе с тем окончен путь вельв, мягко осевших на колени в последней молитве миру. Стихла метель, и в тишине ветра укрыли тела пушистым снежным покрывалом, скрывая грешные души.

Оживленные собственной удавшейся затеей, юркими воздушными змеями ветра зарыскали по землям. Они чувствовали, как трещат по швам нити миров, и выжидали нового разлома, чтобы крепкими лентами стянуть тот воедино.

Мирна

– Виндгард долгие годы не носил того названия, которым именуют его в наши дни, – неторопливо рассказывал Рунфаст. – Впрочем, как и не носил названия вовсе.

Застиранные до невнятного серо-бежевого оттенка одеяния собирались широкими складками в продолжение такого же цвета обвислых, испещренных глубокими морщинами и жесткой короткой щетиной щек Верховного Знающего, превращая старика в подобие лысой толстой гусеницы, а несколько встопорщенных седых волос на блестящей макушке напоминали усики, шевелящиеся при малейшем движении.

– Юная госпожа, вы меня слушаете? – Рунфаст тепло смотрел на ученицу, вновь размышляющую о неведомом ему.

– Конечно, Знающий, – неловко потупив глаза, ответила Мирна. – Вы говорили о возникновении нашего славного города, что, несомненно, повлияло на жизненный уклад его жителей.

– Изначально Виндгард возводился в качестве временного опорного пункта, – Рунфаст кивнул и невозмутимо продолжил. – Хевдинг Скъельд не учел в годы бурной молодости всей суровости северных земель и столь же неистового характера вашей матушки. И все же, не могу не отметить его заслуг в градостроительстве, вернее, в его скорости.

– За многие годы лагерь разросся, превратившись в настоящий город, – робкая улыбка растеклась на лице Мирны.

– Ты не видела настоящих городов, сестра, – двери библиотеки с грохотом ударились о стены залы, вызвав явное неудовольствие поморщившегося старика. – Тебе стоит хоть однажды выбраться со мной за пределы ближайших земель, увидеть истинную красоту Нормара, поохотиться на диких оленей, побывать в торговых портовых городах и неприступных каменных крепостях.

Исгерд всю жизнь казалась слишком громкой, слишком шумной, и ни разу не изменила себе, неистовым вихрем ворвавшись в один из малых читальных залов, неся на себе запах долгой дороги.

– Вот кто занял все мысли моей ученицы. Конечно, как я мог позабыть, госпожа Исгерд возвращается домой, – елеинным голосом начал Рунфаст и гаркнул, испугав обеих девушек. – Вон отсюда! Место знаний не место для ваших разборок. Особенно в подобном виде. – Рунфаст отвернулся от сестер и продолжил бурчать, голос стался тише, сварливее.

Мирна поспешила извиниться перед Знающим, хоть тот никогда и не сердился на них всерьез, и вместе с Исгерд поспешила покинуть здание. В обители Знающих не имелось окон, книги не любили света солнца, но девушка смогла приспособиться и примерно понимала – за проведенное с учителем время солнце только пересекло свою высшую точку и стало неотвратимо стремиться к горизонту.

– Обязательно было вести себя подобным образом? – Щеки Мирны покрылись лёгким румянцем смущения.

Быстрый стук подошв о лестницу разносился о стены Зала Знаний.

– Упрекаешь сестру в желании поскорее увидеться? – насмешливо ответила Исгерд, не обращая внимания на поникшие глаза Мирны.

– Только в неуважении к господину Рунфасту.

– Старика самому следует поучиться уважению, мы дочери хевдинга, которому он служит, а значит, служит и нам.

От ловкого быстрого разворота светлые кудри Исгерд взметнулись вверх, а Мирне пришлось ладонью ухватиться за грубые, растрескавшиеся от времени перила, смягчая торможение, чтобы не влететь с разбегу в сестру.

– Он не служит никому. Знающие вольны, и им рады в любом городе Нормара.

– Однако он выбрал Виндгард и, насколько известно всем, не собирается его покидать, а значит, служит нашей семье, – парировала Игерд и нахмурилась. – Ты проводишь много времени с ним, мне не нравятся мысли, что он закладывает в твою голову.

– Мы спорили об этом слишком долго, чтобы начинать все заново, – устало вздохнула Мирна.

– Скажи, что тебе нравится в этом гиблом месте?

– А что мне должно нравиться? – Мирна обогнула застывшую каменным изваянием Игерд, пряча злые жгучие слезы. Она была безгранично рада увидеть ее вновь, но каждый раз их встречи заканчивались одинаково. – Бесконечные патрули? Короткие ночевки дома? Это не для меня.

– А что для тебя? Сидеть в четырех стенах, убиваясь над очередным фолиантом, что на один вид тяжелее тебя? – За порогом Игерд перехватила Мирну. Слова давались тяжело, и девушка вздохнула. – Понимаю, война не твой путь, да и мне не хочется, чтобы ты ступала на него. Не закрывайся от мира, книги не научат тебя слышать наших людей.

– Отец просил навеститься к нему до пира, – Мирна решила не продолжать в очередной раз заведенный разговор. – Приведи себя в порядок до того. От тебя за версту разит конем и потом.

– Возьми подарок, прежде чем снова сбежишь.

В ладонь лег кожаный сверток, обмотанный тонкой почерневшей бечевкой, при рассмотрении оказавшийся небольшим манускриптом, скрывающим желтые, запачканные по бокам высохшей землей страницы.

– Спасибо, – только и смогла вымолвить девушка.

Щеки Мирны покраснелись, и она поспешила убраться подальше от самодовольно ухмыляющейся сестры, прожигаящей взглядом спину, пока очередной дом не скрыл ее тень. Мирна понимала обеспокоенность сестры. Ни разу той не удавалось донести своих желаний. Игерд обмолвилась, ей стоит научиться слышать других, хоть сама не могла похвастаться подобным навыком.

Подумалось, сегодня сестра поистине удивила, и ладонь произвольно сжала крепче тонкую книгу. Неловко завязанная веревка мгновенно соскользнула с обложки, и полные заживших порезов пальцы прошлись по грубо выделанной, сохранившей животный запах коже, усиливая разносящийся аромат. Обложка открылась, и Мирна шумно вдохнула, ошеломленно рассматривая тонкую вязь почерка в окружении рисунков невероятной красоты.

Мирна трепетно пролистывала блокнот, боясь повредить драгоценный подарок, пока взглядом не зацепилась за особенно поразивший сознание набросок. Бумагу испещряли четкие линии, складывающиеся в постройки, дороги и мелкие улочки. «Финнмарк». Гласила надпись сверху страницы. Значит, в этот раз Игерд побывала на северо-западе вверенных ярлом земель.

Рядом с картой красовались и другие наброски. Крепость была окружена высокой каменной стеной с башнями, за которыми скрывались бесстрашные стражи, не покидающие поста ни на миг. За ними виднелись крыши зданий, с пиками и покатые, из железа или черепицы. Одного взгляда на бумагу хватило, чтобы слегка разочароваться в собственном доме.

Верховный Знающий всегда оказывался прав, хоть порой и раздражал хамской манерой речи, присущей многим старикам, умудрившимся дожить до столь почетного возраста. Виндгард действительно не казался великим городом даже по сравнению с мелкомасштабной военной крепостью, продолжая оставаться разросшимся лагерем.

Несмотря на практически полное отсутствие каменных построек, город приманил множество людей, разросшись далеко за старые стены.

Виндгард окружали мягкие плодородные земли, которым не страшны ни засухи, ни потопа. Ливневые воды уходили по наклонным желобам к великой реке Свель. Оттуда же в

периоды долгих засух местные брали воду, орошая бережно выращиваемый урожай. Многие жители Нормара, если не поклонялись, то по меньшей мере испытывали благоговейный трепет перед глубокими стремительными темными водами своенравной реки, рассекающей континент на две неравные части, точно отделяя северные земли в отдельный остров.

Мирна медленно прогуливалась вдоль незатейливых кривых улочек. Заселили город в основном воины, фермеры и мелкие ремесленники. Торговцы не любили останавливаться в Виндгарде, им казалось, будто тот небезопасен. На первый взгляд случайному путнику действительно могло так показаться, но хевдинг Скъельд неспроста выбрал здешние земли.

Юг города был надежно защищен Свель. Неуправляемой, как считают южане. Упрямые воины хевдинга смогли раскопать на северном берегу брод, куда боятся отпускать разве что самых маленьких детей, не способных провести ни дня без разбитой коленки. Свель раскинулась столь широко, что не стоило опасаться нападений с того направления, а стремительные, оглушительно ревущие пороги, расположившиеся на западе за наблюдательными башнями, разбивали самые надежные корабли.

Север защищали непроходимые горы Брей. Тысячи людей погибли в суровых скалах, укрытых вечными снегами и льдами. Северо-запад же охраняли воины Финнмарка, истинные северяне, суровые и неразговорчивые на первый взгляд. Они возвели десятки наблюдательных башен вдоль западного морского побережья, от которых вереницами тянулись высокие сигнальные костры. На памяти Мирны зажигались они не раз, и воины Финнмарка отстаивали свои земли, будь то от отчаявшихся обычных разбойников или обученных иноземных воинов.

Восток же заселили люди северного надела, за границами которых расположились земли ярла Ингвальда, названного брата хевдинга Скъельда, прошедших плечом к плечу сотни битв и войн.

Мирна перелистывала страницу за страницей, сравнивая казавшиеся живыми наброски с одноликими улочками Виндгарда, и все больше замечая непонятное растущее темной тучей чувство, берущее начало глубоко за лопатками. Бревенчатые дома вокруг, без намека на каменную кладку или выделанное дерево, казались неказистыми и приземистыми, уродливыми близнецами.

Мирна поспешила к главной площади, рыская глазами в поисках походивших на зарисовки здания и не находя таковых. Глубокий разочарованный вздох вырвался из легких, и девушка быстро огляделась, не заметил ли кто, и с некоторым удовольствием отметила, всем вокруг было плевать на нее, у толпы были свои планы и дела.

Город готовился к пиру. Северные земли суровы и не изобилуют множеством красок и развлечений, отчего люди цеплялись за каждую возможность отвлечься от серых будней, не отличающихся один от другого.

По широким улицам в непрерывно движущемся потоке мелькали знакомые и не слишком лица. Гомон толпы разрезали громкие возгласы и резкие приступы гогота кучкующихся у обочин. В воздухе витали аппетитные запахи копченостей и алкоголя, то и дело мелькали цветастые одежды. Вон женщина успокаивала обронившего сладкое угощение на палочке малыша, заливающегося слезами, точно рухнул весь его маленький мир, вон поднялись в воздух полные кружки, вон ушлый торговец стряс звонких монет за добрую горсть ароматных обжаренных орехов, а через десяток шагов толпу разрезала вереница мужчин, тащащих на крепких плечах бочонки хмельного.

Начав ловить на себе заинтересованные лица, Мирна сладко улыбнулась заметившим младшую из дочерей правителя и поспешила смешаться с толпой, ловко мелькнув на куда более свободную улочку, ведущую домой. Каблуки сапожек застучали по булыжникам мостовой, подогнанным искусными мастерами один к другому.

Напротив Главного Дома по другую сторону площади возвышался странный каменный обелиск с выбитыми неизвестными ей символами. Такие столпы расположились по всему

Виндгарду в самых неожиданных местах и в разных размерах. Отец отказывался рассказывать о них, отговариваясь простым «на удачу», и Знающие также отказывались объяснять значение. Лишь однажды усталый Рунфаст по неосторожности обмолвился, те символы были утраченным южным наречием.

Тень высокого широкого здания падала на предлежащую площадь, охлаждая быстро остывающий весенний воздух. Мурашки пробежали под длинными рукавами, и Мирна поспешила внутрь. Главный Дом был одним из немногих зданий в Виндгарде, стоявшим на каменном фундаменте, но во внутренних убранствах хевдинг не мог терпеть серой породы. Высокие стены залов возложены из выделанных цельных досок, украшенных неисчислимым множеством узоров и орнаментов, меж которых расположились гербы северных народов, цветастые гобелены да яркие факелы в железных держателях.

Мужской голос заставил Мирну отвлечься от созерцания собственного дома, наполненного смолистым ароматом дерева и маслянистых факелов, что создавали ощущение, будто находишься посреди хижины друида, на минуту покинутой хозяином. Мирна улыбнулась подошедшему Хэльварду, здоровяку с аккуратной светлой бородкой, старше Истерд всего на пару зим.

– Истерд вернулась, она с хевдингом Скъельдом в зале собраний, – Хэльвард указал на двери позади, откуда появился, будто Мирна могла позабыть, где та находится.

– Мы успели повидаться, – уголки губ непроизвольно расплзлись в улыбке, выдавая сестру.

– Уже что-то натворили? – На лице мужчины появилось отражение ее улыбки, искрами затронувшая прозрачно-голубые глаза.

– Знающий Рунфаст в бешенстве. Она влетела посреди наших занятий. Наверняка, старик доложит отцу, – хихикнула Мирна. – Вы закончили с отчетом?

– Все прошло спокойно, ни нападений, ни затопленных деревень, особо не о чем было докладывать, не волнуйся.

– Если так продолжится, в скором будущем мы сможем сосредоточиться на развитии земель, а не на их удержании, – обретшая форму звука мысль привела девушку в восторг.

– Только твоими усилиями, в подобных делах я не помощник.

Молодой военачальник удивительным образом находил слабости каждого, с кем имел дело, хотя в случае с Мирной многим была известна ее тяга. Перекинувшись парой ничего незначащих фраз, они разошлись, и Мирна направилась вглубь дома, приветствуя немногочисленных слуг, снующих меж десятков столов в общей зале.

Створки дверей оказались приоткрыты, что не могло не порадовать, двери были слишком тяжелы. Мирна ухватилась за кольцо, приготовившись тянуть изо всех сил, когда из-за двери донеслись тихие, по-злому шипящие голоса.

– Ты потакаешь ее желаниям, не озаботившись должным обучением. Что она увидит после вступления в брак? Стены да окошко? Не отводи глаза, отец. Ты не хуже меня знаешь, какая участь постигнет ее тогда. Знаешь ли ты хоть один город, где Знающий – женщина?

Тяжелое молчание затягивалось, расплзаясь тягучей патокой, и Мирна сделала шаг назад, разгладила юбки перепачканными вязкими чернилами пальцами, оставляя следом ровные вертикальные линии на ткани.

– Ее брак решен, в северных землях мы захватчики, сколько бы десятилетий не минуло. Нам нужен союз с Финнмарком, ты сама убедилась в их отношении к нам.

Стараясь не издать шума, Мирна тенью скользнула вдоль стены залы, стараясь разглядеть путь сквозь застилающую взор мутную пелену слез.

Полные ароматного хмеля рога из рук в руки десятками проплывали в воздухе, тяжелом от пламени и дыхания доброй сотни гостей. Музыка звучала отовсюду, сливаясь со сме-

хом, криками и спорами. Служанки только и успевали, что подносить воду и подливать в стремительно пустеющие кубки вино да пиво, перестав вслушиваться в хвалебные речи, отвечая дежурными, но оттого не менее искренними, улыбками.

Женщины решили занять отдельный стол, лишь Исгерд расположилась по правую руку отца. Хевдинг Скьельд восседал во главе столов на привычном месте, горячо споря с парой хольдов. Они не сразу заметили приближающуюся девушку, яростно продолжая нахваливать одни битвы и уничтожая другие.

Исгерд заметила сестру первой, жестами показывая поторопиться.

– Все заждались тебя, успели подумать, что ты не появишься, – Исгерд оглядела ее с головы до пят. – Ты выглядишь иначе, совсем как мама.

По возвращении в комнаты Мирна долгое время не могла остановиться ни на миг, даже привычное чтение не спасло, и руки потянулись к длинным локонам, складывая их в высоко убранные косы, наподобие тех, что носила сама Исгерд.

– Нужно было обдумать кое-что, не заметила, как пролетело время.

– Знающий заморочил тебе голову настолько, что забываешь повеселиться?

– Вы двое снова повздорили? – Хевдинг отпустил воинов и уставился на дочерей, хмуря кустистые седые брови. – На тебе лица нет, Мирна. Что произошло?

– Мы никогда не ссоримся всерьез, отец. Я лишь ответила сестре, что задумалась о будущем.

– О будущем? – Пальцы мужчины нервно огладили тронутую сединой бороду. – Позволь спросить, о чем именно ты думала? Хэльвард передал, у тебя возникли идеи по улучшению поселений, будет интересно послушать.

– Не об этом будущем, отец, – устало улыбнулась Мирна. – Я услышала ваш с Исгерд разговор перед пиром.

– Подслушивала, значит? – Кустистая бровь приподнялась над озорным взглядом мужчины.

– Двери были открыты, кто угодно мог услышать, – парировала Мирна, на что отец ухмыльнулся.

– Я не хотел, чтобы ты узнала подобным образом, – голос отца стал тише, хоть и вряд ли кто мог подслушать их разговор.

– Прежде чем озвучу решение, расскажи обо всем, что творится между нашими городами, я обязана знать.

– Финмарк за последние годы слишком набрался сил, – начал хевдинг, найдя необходимый ответ на свой молчаливый вопрос в твердом взгляде дочери. – Долгое время они не доставляли проблем, не ожидали подобного, не уследили за ними. Они и раньше не жаловали нашего присутствия, считая северные земли исконно своими. Наверное, лишь то, что мы помогали разбираться с налетчиками и другими проблемами, останавливает их развязать войну за власть прямо здесь и сейчас, слишком они чтут долг чести, – отец потемнел лицом, ему явно было непросто произносить слова. – Вальгард – достойный сын своего отца, с ним ты не будешь ни в чем нуждаться. Он долгое время справляется о тебе и просит встречи.

– Мы воевали долгое время в попытках воссоединить Нормар, – добавила Исгерд. – Если разгорится пламя войны, многие последуют их примеру.

– Кажется, им самим не на руку начинать войну. Если правильно понимаю их затею, в будущем они желают получить власть над целым наделом. Хотя странно, что предложили брак со мной, а не со старшей дочерью.

– На всем свете Финмарк боится двух людей, Мирна, меня и нашего отца, им невыгоден брак со мной.

– Все куда хуже, чем я предполагала. Если войду в их семью, они смогут контролировать вас через меня. По сути, тем или иным способом получают неоспоримую власть на северных землях. Сколько у нас времени на принятие решения?

– Со свадьбой едва ли они получают что-то кроме видимости власти. Не торопись с решением, дочка, – отец мягко улыбнулся Мирне, протягивая полный вина кубок. – До конца года они точно подождут, хотя тебе все равно придется встретиться с Вальгардом, если затаюм. А сегодня не думай об этом больше, твоя сестра вернулась домой, повеселитесь как вы умеете, только не разнесите дом.

Пряное вино полилось по горлу обжигающим потоком, дурманя голову. Не прошло слишком много времени, как девушки присоединились к общему веселью. Кубки поднимались один за другим, голоса становились все громче, и по зале полились песни, поначалу воспевающие мощь и подвиги прославленных воинов, незаметно перейдя к доносящимся из каждой таверны незатейливым веселым мелодиям.

Тишина была столь оглушающая, что Мирне стало казаться, будто она лишилась слуха. Голова раскалывалась на тысячи кусочков, пытающихся удержаться вместе на липкой смоле. Попытавшись сглотнуть вязкую горькую слюну, Мирна закашлялась, потревожив разодранное в кровь горло. Кашель отдавал в виски натянутыми до боли тугими нитями. Слишком много вина она выпила за прошедший день, слишком много песен спела и слишком громко поддерживала Игерд в очередной дружеской схватке с Хэльвардом.

Дверь легким пером отворилась, когда Мирна упала обратно на кровать, подтянув повыше подушки, и в комнату проскользнула Игерд, устроившись подле сестры с прикрытыми глазами.

– Ты отняла тальхарпу у одного из музыкантов и пела похабные песни, – не выдержала тишины Игерд. – Таких даже мои ребята не знают.

– Вы с Хэльвардом проломили пару столов, причем друг другом, не считая мелкой мебели.

– Боги, не продолжай, быки в брачный период звучат лучше, – простонала Игерд.

– Так тихо, – прошептала Мирна одними губами.

– Даже слишком, – согласилась сестра.

Кровать прогнулась под упором сильных рук Игерд, больно резво соскочившей на пол, отчего тонкий носик девушки сморщился. Тяжелые портьеры сдвинулись, пропуская тонкую полоску света внутрь. Мирна развернулась к сестре, прижавшейся к стене, наблюдая за происходящим снаружи.

– На улицах много народу, кажется, что-то происходит. Подойди, – Игерд поманила наблюдающую за ней из-под запястья сестру, бесшумно отворяя ставни. – Отец спорит с Ормаром.

Скьельд

Утро встретило жителей Виндгарда оглушающей тишиной. Люди выходили из своих домов и вертели головами, силясь осознать происходящее. Столь привычное холодное солнце скрылось за давящими серыми облаками. Воздух едва не потрескивал, настолько был напряжен.

– Птиц не слышно, – прошептал мальчишка, вглядываясь в серую даль из-за лежавшей неровными складками юбки матери, рассеянно глядящей его по мягким русым волосам.

Скьельд вздрогнул от показавшихся слишком громкими слов и поспешил удалиться в Главный Дом, где ожидали доверенные форинги.

Полная празднеств и веселья зала опустела за считанные минуты, и теперь в ней расположились трое мужчин, хмуро, с недоверием взирающих друг на друга.

Далекое воспоминание об опустевшем великом городе занимало все мысли Скьельда, то отвлекая от настоящего, то резко возвращая обратно. Мертвая тишина и точно навсегда остановившееся время. Земля, насквозь пропитанная черным ядом, и едкий приторный запах крови, от которого внутри все переворачивалось.

– Не знаю, что нас ждет, – отогнав навязчивые мысли, хевдинг обратился к трем мужчинам, расположившимся за столом. – Нужно увести людей как можно дальше. Готовьте оружие, будем защищать отступающих.

– Сколько у нас времени? – спросил Торбьерн.

– Счет на минуты. Забираем необходимое и уходим. Хэльвард, собери всех, возьми нескольких воинов и ступайте к ярлу. Пускай Мирна поможет, проверит, чтобы собрались все, и займется припасами. Ормар, следи за округой, мы должны быть готовы к их приходу. Торбьерн, готовь мечи и щиты.

– Скьельд, ни разу мы, – начал Ормар, все еще обеспокоенный разумом хевдинга, но поспел исправиться. – Ни разу я не усомнился в твоих решениях. Но сейчас не произошло ничего серьезного, чтобы оставлять целый город.

– Сколько раз я рассказывал о старых временах? – устало пробормотал хевдинг. – Сравни мои слова с тем, что видят собственные глаза. А эта вонь? Ее невозможно игнорировать.

– За ночь кто угодно мог напичкать город гадостью.

– Тем больше причин уйти, – прервал Ормара Хэльвард. – Мы проверили всех прибывших торговцев, каждый закоулок, запах не усиливается нигде, точно опустился с небес.

– Будь то правдой или причудой разума угасающего старика, у меня нет ни единого желания рисковать жизнями тысяч жителей, – отрезал Скьельд. – Если не желаете участвовать, скажите, или делайте, что приказано.

Ормар и Хэльвард покинули залу, оставив Торбьерна с их хевдингом.

– Что нас ждет?

– Нечто страшнее гнева Хеллы, старый друг. Не скажу, выживет ли хоть кто-то из нас. Уведем жен и детей и будем возносить молитвы Ванадис о встрече в новой жизни, – признался Скьельд, неосознанно сжав кулаки.

В тяжелом молчании Торбьерн грузно поднялся и покинул залу, неловко задержавшись у дверей. Ну, конечно, как он мог не догадаться.

– Здесь не осталось никого, кого вы могли бы подслушать, – раскатистый голос разнесся по залам, поднимаясь наверх высоких сводом. – Выходите, нужно поговорить.

Из-за противоположных створок дверей одновременно, точно зеркальные отражения, выступили две молодых девушки. В подобных ситуациях они всегда походили на близнецов, разделяющих одно сознание, такие похожие и одновременно разные. Скьельд недовольно вздохнул, поморщившись, и подозвал дочерей движением руки.

- Давно подслушиваете?
- Еще с тех пор, как вы с Ормаром спорили снаружи, – беззастенчиво ответила младшая, пока Исгерд отстала, плотно закрывая за собой двери, за которыми суетились усталые слуги.
- На нас хотят напасть? – Исгерд поспешила к отцу вслед за Мирной.
- Я так считаю, Ормар же думает иначе.
- Безумие, город не готов к обороне, – Исгерд всплеснула руками.
- Поэтому я и выразил желание, чтобы жители покинули Виндгард. Мертвецы не отстроят дома на пепле. Исгерд, – отец заметил пытавшуюся возразить дочь, – никаких возражений, ты уходишь. Уйдут женщины, старики и дети. Сопровождающий отряд слишком мал, чтобы отправлять кого-то другого, одним им не справиться.
- Мне не переубедить тебя? – Сквозь сжатые челюсти прошипела Исгерд. Скъельд покачал головой.
- Проведите их к ярлу Ингвальду, – мужчина поднял бумагу с застывшими чернилами и протянул Мирне, покорно протянувшей руки. – Передайте ему, как доберетесь.
- Слышала, Хэльварду нужна помощь? – Младшая сложила письмо в невидимые складки одеяний.
- Ты часто прогуливаешься по городу, тебя все знают, нужно предупредить людей, чтобы собрались у северных ворот. Пускай не берут с собой ничего, времени в обрез. Уверен, многие упрямыцы поторопятся, услышав знакомый голос. Исгерд, приготовься к отходу, возьми вещей и для Мирны.
- Я вернусь позднее, – предупредила Исгерд.
- Идите, нужно многое успеть.

Скъельд наблюдал, не поднимая головы, за вернувшейся обратно Исгерд, неподвижной статуей застывшей подле него. Наблюдал, как внимательно следит за дергаными движениями пера, царапающего писчую бумагу, за нервно притопывающей ногой, за одеревеневшими руками, передающими письма пробежавшему слуге.

- Хэльвард притащил кольчугу, помоги надеть, – обратился он к заждавшейся дочери.

Звонкие металлические звенья ударились одно о другое, пока не легли на плечи, опоясывая тело. Подобно тяжелой броне на лицо опустилась хмурая маска раздумий. Скъельд был уверен, младшая не заметила странности в речи отца, когда Исгерд же все видела и мысленно прощалась, мягко придержав его за руку.

Скъельд убрал за спину щит, неизменно висящий рядом с ним, повесил меч и сакс на пояс, и они поторопились к народу. Сердце забилося чаще, стоило вдохнуть полной грудью разлившийся острый запах заточенного железа. Осмотревшись, можно заметить, как шустро мелькают оставшиеся люди по улочкам, стремясь примкнуть к собравшимся подле восточных ворот.

- Ормар подбежал к Скъельду и со сквозившим в голосе сомнением предупредил.

- Мы прочесали всю округу, но нет и намека на чужаков.
- Должно быть, они нашли способ ускользнуть от наших взоров. Укройте вокруг,ждемся атаки. Живее! – обратился к воинам Скъельд.
- Заметив Хэльварда, хевдинг отозвал его в сторону.
- Не нравится мне эта тишина. Словно призраков ждем. Что-то явно не так. Уводите людей к фьорду и уплывайте на драккарах как можно скорее.
- Мы еще увидимся? – шепчет Хэльвард одними губами.
- Прощай, брат. Встретимся на светлых полях, – качает головой Скъельд.
- До встречи.

Распрощавшись с детьми, Скъельд недолго наблюдал за их удаляющимися спинами, позволив последние секунды слабости.

Торбьерн, долгое время подпиравший спиной стену одного из домов, приблизился к хевдингу, поглядывая на расположившийся рядом небольшой отряд, набравший дюжину мужчин.

– Ормар прислал весть – выслеживать противника гиблое дело. Наши люди расположены по всей округе и городу. Эти уроды и не поймут ничего, когда из тени им вспорют брюхо, будто безмозглым свиньям, – прояснил усмехающийся Скъельд, заметивший глаза соратника, полные недоумения и непонимания.

Торбьерн усмехнулся вслед за хевдингом, и было хотел спросить, с каких пор они прячутся, словно крысы, а не встречают смерть лицом к лицу, как его перекосило от расплывшегося в воздухе раздражающего резкого гнилостного запаха сера.

– Что за чертовщина? – Стоило шепоту слететь с губ мужчины, неподалеку раздался вскрик, заставив напрячься тела воителей и выставить щиты, вглядываясь в малейшее движение.

– Идем, проверим, следите за местами, где они могут прятаться, – приказал Скъельд, перехватывая меч покрепче.

* * *

Милостивая Ванадис! Как ему осточертело прятаться по углам в ожидании, пока Скъельд и Торбьерн признают, что окончательно выжили из ума. С чего вдруг решили оставить город? Пташки не исполнили утренней серенады? Так пройдет гроза, и пернатые твари примутся голосить пуще прежнего.

– И чего, черт побери, они ждут? – сплюнул раздраженный мужчина.

Йоанн расслабился, ведь прикладываться к бурдюку, полному пойла, да хаять хевдинга куда увлекательней, нежели нести службу. Мужчина хоть и был велик годами, все так же оставался слабым мальчишкой, неспособным исполнять долг. Тьма любит таких, любит слабость и неуверенность, любит предательство.

Прислушавшись, Йоанн мог бы расслышать, как темнота позади омерзительным довольным чавканьем сменяется тьмой, как из той тьмы ступает тварь, подобная человеку. Но он не заметил ни звуков, ни стремительного движения, от которого голова сползла с плеч прямиком в пасть ручной твари, вылезшей вслед за хозяином.

Человекоподобное существо притаилось, выжидая, когда братья пройдут сквозь разломы, втягивая сладкий воздух, наполненный запахом людской плоти. Но что-то было не так. Лязгающий мерзкий скрип вырвался из пасти твари, приказывая нескольким существам вернуться пытающуюся ускользнуть дичь. Ищейки, отделившись от тьмы, последовали приказу, передвигаясь то на двух конечностях, подражая людям, то опускаясь на четыре, уподобляясь зверью. Стоило существам исчезнуть с глаз легионера, тварь, издав стрекочущий металлический звук, двинулась на запах плоти и пота, ведя за собой братьев.

* * *

– Помилуй нас Ванадис, – только и смог вымолвить воин, замерев подле хевдинга, стоило увидеть тварей, вылезших из преисподней.

Существа, обитающие по ту сторону Излома. В сумерках их легко неосторожно спутать с людьми. Но стоит не отводить взгляд, как делают вечно спешащие людишки, и вглядеться в словно размытую фигуру, лишь тогда увидишь создание, что приводит в ужас, заставляет душу сжиматься в тугой комок, наполняет рвущим сознание безумием и отчаянием. Нескладная жилистая обугленная плоть с невпопад торчащими обломками доспехов и оружия, с неправдоподобно длинными конечностями – вот что могли узреть в последние секунды своей жизни несчастные.

Они возвышались на голову над людьми, худощавые, словно одичавшая бродячая псина. Но не стоит обманываться видом их тел. Изверги, как их называют, искусно орудуют тяжелейшими клинками и булавами, что ни один человек не оторвет от земли, пиками вдвое выше их самих. Играючи, одной рукой, словно те не весят ничего. Однако в безумие жертв приводило

не это, а их лица, если, конечно, у кого-то повернется язык назвать их так. Точно вылитые из металлов маски, напоминающие лики бастардов зверей и демонов, на них застыла безумная кровожадная улыбка, а в глазах пряталось сумасшедшее любопытство линчевателя. И абсолютная неподвижность ни капли не скрывала жестокости существ. Единожды взглянув на металлическое лицо, люди порой сами вскрывали себе глотки, лишь бы не видеть, не чувствовать, как твари доберутся до их тел.

Звери же, что сопровождали хозяев, напоминали помесь оголодавших неприрученных борзых и диких свирепых вепрей, защищающих территорию. Шкура их обуглена и толста, а из пасти тек яд, способный разжесть камни. Они набрасывались на противников, вспарывали тех клыками и пожирали, не оставляя ни куска плоти, в отчаянной попытке удовлетворить вечный голод.

– Отродья Излома, какого они здесь забыли, это не поле боя, – разразился хевдинг. – Не попадайтесь под удары, иначе разрубят одним махом! Нужно выиграть время отступающим! – последовал приказ Скъельда, протрубившего в рог, призывая соратников.

Вместе со звуком рога пришли в движение и замедлившиеся изверги. Часть их направилась вглубь города, выискивая лакомых жертв, и лишь четверо во главе с легионером и его зверем, решившим подождать в стороне, когда хозяин вновь порадует свежей плотью, двинулись на отряд хевдинга.

– Старайтесь отсечь им конечности, лишь так сможем выстоять. Расправьтесь с младшими тварями и помогите мне. – С этими словами Скъельд поднырнул под стремительный удар легионера.

Исгерд

На закованных в кожу и сталь бедрах Исгерд в такт покачивались излюбленные клинки. Шесть лунных циклов прошли в кузне, когда раз за разом она начинала заново, пока не получила то, что так нестерпимо желала. Немного закругленные обоюдоострые лезвия, тонкий эфес и легкая рукоять. К Исгерд часто возвращались воспоминания о былом, стоило засмотреться или невзначай прикоснуться к клинкам.

В Виндгард часто заезжали странствующие купцы. Но тот, что просил пристанища с десятков лет назад, казался скорее сумасшедшим и бездомным обманщиком, нежели уважаемым торговцем. Сутулый, старый, в истертых до дыр лохмотьях и с жутковатыми бегающими по кругу глазами, в которые никто старался не заглядывать.

Отец тогда наказал им с сестрой не выходить из комнаты, пока торговец не покинет их. Первой же ночью Исгерд не могла уснуть. В отличие от младшей Мирны, та не привыкла к подобному времяпрепровождению. Стараясь шумом не выдать себя, Исгерд, вылезшая из окна дома, спустилась по узким деревянным выступам и направилась как можно дальше ото всех к соломенным чучелам, единственным противникам, к которым ее подпускали.

Проскользнув к краю поля, она не двигалась и не отрывала взгляда от чучела. Что она делала не так, почему не уступала никому в технике, но стоило ей начать бой с мальчишками, постоянно проигрывала? Тренировочный меч с яростью опускался на чучело, с шумом вырывая измятую солому из противника, взращивая жгучую боль в плечах Исгерд.

Исгерд вновь занесла руку, когда заметила беззвучную тень и почувствовала стальную хватку на запястье. Это оказался тот сумасшедший старик, а она уже думала, что попалась отцу, и ее опять накажут.

– У меня есть подарок для тебя, но ты должна доказать, что достойна его, – прошепел старик.

Сейчас он выглядел еще более безумным, чем когда она случайно увидела его в первый день пребывания в Виндгарде. Это все были эти чертовы глаза. Сейчас старик смотрел спокойно и прямо. Но было что-то еще, нечто странное и знакомое.

За проведенное на поле в одиночестве время Исгерд стало скучно, иначе бы не согласилась дочь уважаемого хевдинга и выслушать сумасшедшего, не стала бы спрашивать. – Как доказать?

– Прикоснись к медальону или наручам, – все тем же скрежещущим голосом ответил купец, сбрасывая верхние длинные лохмотья.

Лишь тогда Исгерд увидела мощное тело и металлические наручи с медальоном. Тело мощнее самого хевдинга Скъельда. Пропала вся сутулость, прихватив чувство немогости. И на место презрения стал страх, будто перед Исгерд стоял не мужчина, а зверь в его облике.

– Чего застыла, девочка? Ни разу не видела бьерна? – Усмехнулся мужчина, обнажая ровный ряд чуть заостренных зубов. – Думал, ты отважнее тех нелепых мальчишек, что не могут повторить простой выпад с мечом.

Сорвавшись с места, Исгерд принялась атаковать бьерна, не стремясь задавить силой, но достаточно быстро, проверяя его. Наверное, не брось он те слова о мальчишках, Исгерд так и осталась бы на месте неподвижной статуей. Теперь она заметила, что не так с его глазами. Они медвежьи. Он медведь в человеческом обличье.

– Как твое имя? – Поинтересовалась девчонка, отходя на шаг и убирая выбившуюся прядь, прилипшую к вспотевшему лбу.

– Бьорн, – усмехнулся получеловек, – бьерн по имени Бьорн. Ничего необычного.

– Рада знакомству, Бьорн. Имя мне Исгерд, дочь Скъельда.

– Довольно разговоров, Исгерд, – оскалился полужверь, подначивая вспыхивающую девчонку. – В твоих венах течет кровь воина, я чувю ее. Покажи ее.

Исгерд вновь атаковала, на сей раз пытаясь достать до переливающегося тонким звоном медальона.

Сердце билось загнанной в силки птицей, а во рту появился металлический горький привкус. Сколько времени она пытается? Минуты? Часы? Старик точно не человек. Не сумел бы тот отбивать столь быстрые движения настоль легко, будто обленившаяся сытая кошка игралась с мышью, не сдвигаясь ни на дюйм.

Бьорн перехватил руки Исгерд, пристально вглядываясь в глаза девчонки и отбивая мощный удар ноги.

– Хватит, – отпустил ту Бьорн.

– Нет! Дай мне еще шанс! – Горячо запричитала Исгерд.

– С каждым движением ты становишься медленнее. Подойди сюда. – Полумедведь уселся прямоком на траву, вытягивая из сброшенных на землю одеяний помятый лист. – Тебя тренируют мечом и секирой, но сейчас ты неосознанно действовала не силой, а скоростью. Она же и должна стать твоей спутницей. Возьми это, они помогут тебе выжить. Выкуй их своими руками, столь крепкими и острыми, как твоя душа, Исгерд, дочь Скъельда.

Бьорн дождался, пока девчонка развернет состаренные записи, что когда-то сам он получил в дар, и замрет точно неживая статуя.

– Клыки ледяного волка. С ними тебе не понадобится щит, оттого ты должна быть быстра и точна подобно стремительным северным ветрам, сокрушающим величавые горы.

– Спасибо, Бьорн, – пролепетала Исгерд севшим голосом, рассматривая ни на тон не изменившиеся от времени чернила. – Они прекрасны.

– А теперь идем слушать грозные речи местного хевдинга, – дождавшись, пока Исгерд надежно спрячет чертеж, они медленно двинулись.

– Откуда это у тебя? Кто их создал? – Выпрашивала девочка, подпрыгивая от множества вопросов, роящихся в крохотной нетерпеливой головке.

Бьорн лишь ухмылялся в ответ да весело поглядывал в ее сторону, силясь вспомнить, когда в последний раз человек без капли страха и презрения находился рядом с ним, узнав правду, в ком была хотя бы капля подобного нескончаемого любопытства, как в этой девочке.

С каждым шагом Исгерд все отчетливее улавливала глухой отзвук металла. Хмурый, с опущенными плечами, Скъельд точил топор, глядя скорее в никуда, чем на оружие.

– Иди в дом, Исгерд. Поговорим с тобой позже, – пробасил отец, стоило той приблизиться.

– Ступай, Исгерд, – заметив возмущение на лице девчонки, опередил ту Бьорн, – нам с хевдингом есть, о чем потолковать.

Медведь опустил на соседнюю с хевдингом лавку. Дождавшись, пока Исгерд скроется наверху, поняв, что Бьорн слышал, как она пыталась подслушать за дверьми, Бьорн заговорил.

– Твоя дочь погибнет в первой же настоящей схватке. Выкинь эти чертовы топоры и начни тренировать как положено.

– Она никогда не приблизится к битвам. – Продолжал точить лезвие Скъельд.

– Ты сомневаешься в своих словах, не стоило так небрежно произносить их, – жестко ответил получеловек. – Сегодня она направилась на тренировочное поле, завтра уйдет на боевое. И узнаешь ты об этом не первым, а только когда принесут бездыханный труп малышки. Я пробуду в твоём доме неделю. Прими мудрое решение, а я помогу исполнить его. – Поднялся Бьорн.

– Да как ты, – вскочив вслед с крепко сжатым древком топора, начал Скъельд и наконец поднял взгляд на собеседника.

Страх тягучими каплями заполонил пространство вокруг. Бьерн чуял его. Чуял животным нутром и неосознанно наслаждался. Вдыхал мерзкие вибрации, растягивая рот в сумасшедшей улыбке.

– Что такое, хевдинг? Ты сам пустил меня в свой дом. Неужели прогонишь честного торговца, узнав его маленькую тайну? – Бьорн скрылся за скрипнувшей дверью дома, так и не дождавшись ответа.

Скьельд не заставил долго ждать. Как бы ни хотел он отрицать, судьба Исгерд казалась очевидной. Бьорн же знал, хевдинг примет верное решение, еще когда уловил его шаги на краю тренировочного поля. Ведь тогда полумедведь и решил завершить испытание, показав отцу, насколько легко может оборваться нить жизни маленького любопытного кузнечика.

В последующие дни Исгерд проводила на поле и в местных лесах, тренируясь под пристальным взглядом бьерна. О боги, только они знают, как пела душа, когда девочка узнала, что ее – ее, а не какого-то мужа, способного снести голову противника одним ударом, – выбрал обучать бьерна. И как была разбита, когда пришло время расставания, когда она смотрела на удаляющуюся спину Бьорна, раскрывшего напоследок казавшуюся невероятной сказкой тайну клинков.

Погрузившись глубоко в воспоминанья, Исгерд шагала в конце колонны подле Хэльварда.

– Исгерд! – Оказалось, мужчина зовет ее уже некоторое время, и лишь прикоснувшись к ладони, крепко сжимающей клинок, сумел дозваться.

– Прости, – вздрогнула Исгерд. – Слишком много мыслей поселилось в голове.

– Не расслабляйся, рядом кто-то может быть. Не кажется, будто за нами следят? – нахмурился Хэльвард, махнув в сторону непроглядных деревьев.

Исгерд остановилась и, прищурив глаза, вглядывалась в темноту леса, сквозь который они пробирались, следуя вытоптанной тропе. Опустившийся туман мешал ясно разглядеть происходящее меж высоких частых душистых елей.

– Поторопи людей, только тихо, – прошептала Исгерд оставшемуся рядом мужчине.

– Что-то заметила?

– Крупный мужчина в темных одеждах. Иди, я пойду последней, понаблюдаю за ним, предупреди Мирну и возвращайся, не думаю, что он один.

На лице Хэльварда отразилось явное негодование, он бы с несомненным удовольствием отправил Исгерд к сестре, оставшись прикрывать отступающих. Однако также прекрасно понимал, здесь Исгерд куда полезнее него самого, без пререканий размашистым шагом воин направился вперед, по пути подгоняя нерасторопных людей.

Оставшись одной, Исгерд замедлила шаг, прислушиваясь к окружению, все сильнее отставая от удаляющейся вереницы. Хруст под ногами ее людей и бурное течение реки, к которой они направлялись. Ни шума ветров в деревьях, ни надменного карканья воронов, ни тихих перешептываний. Ничего, что могло вселить хоть каплю надежды в, казалось, застывшие сердце и дыхание.

К тому времени, как Хэльвард вернулся с парой крепких старцев, они почти достигли цели. Наверняка, Мирна уже отправила часть припрятанных драккаров. Тихий треск ветвей позади заставил Исгерд обернуться, вытаскивая клинки.

– Хэльвард, подавай сигнал, они здесь.

Пронзительный вой рога раскатистым громом вознесся к небу. С резким хлопаньем крыльев последних птиц, стремящихся спасти маленькие тушки, раздалось отвратительное стрекотание искореженного металла. Две твари, что приходят лишь на поле кровавой жатвы да в чудовищных кошмарах, предстали пред взором воинов, надвигались, неспешно, дразня своих жертв, заставляя дрожать.

– Корп, беги. Спаси ее. Спаси Мирну, – просипела Исгерд, неотрывно наблюдая за приближающейся смертью.

Мужчина рванул с места, услышав столь желанное заветное слово. Беги. Никому не стоит его винить. Любой человек, не оказавшись безумцем, поступил бы также. Ведь в момент, когда ужаснейший из страхов предстает перед тобой, разум трусливым зверьком прячется глубоко внутри, уступая место первобытным инстинктам. Они заставили мужчину, воина, пережившего не одну битву, позабыть о соратниках, бежать, не обращая внимания на разрывающиеся легкие.

– Спокойно, Исгерд, сохраняй рассудок, – успокаивала себя девушка.

Острые и легкие клинки придали решительности деве войны, заставляли кипеть кровь, наступать на врага.

Они не были похожи на кого-либо, с кем ей приходилось сражаться. Они двигались подобно текучим водным потокам, немыслимо плавно для столь титанических размеров, опускались к земле, ползли подобно ядовитым змеям и вновь поднимались в полный рост.

Исгерд едва успела отскочить от широкого рубящего по щиколоткам удара двуручного клинка, когда осевший к земле изверг выскочил вперед. Они игрались с ними, не признавая в людях противников, в точности как комок змеев ползали вокруг, кусая, пробуя на вкус кровь, наслаждаясь наполняющим их тела страхом.

Клинок приблизившейся твари просвистел перед Исгерд, разрубив землю под ногами. Исгерд полоснула не успевшую вытащить клинок тварь по предплечью. Удар пришелся меж двух железных пластин, и плотная плоть разошлась под лезвием Клыкков, оросив землю чернеющей кровью.

Полный боли и удивления пронзительный визг ударил по ушам, и Исгерд пошатнулась, пропустив метнувшегося к ней изверга. Вытянув оставшуюся целой руку, он вцепился в плечо Исгерд, сдирая железный наплечник.

Исгерд замахнулась клинком, вспарывая открывшуюся под маской уродливую шею, казавшуюся неприкрытой кожей. Изверг завалился на бок, утащив за собой измятый наплечник, под которым онемела пережатая мощным хватом рука. Девушка обернулась к воинам, когда Хэльвард вогнал меч в лоб второй твари.

– Уходим, – задыхаясь, просипел Хэльвард.

Подхватив израненного Ульва, перемотавшего кровоточащую рану на животе остатками рубахи, они двинулись к реке.

– Как думаете, хоть кто-нибудь в городе выжил? – Исгерд не хватало дыхания, приходилось делать перерывы между словами. Тело не желало шевелиться, и каждый шаг давался через силу.

– Вокруг ничего не изменилось, словно и не произошло ничего необычного, – подумалось девушке.

Ульв, мрачным жнецом шагающий рядом, сжал плечо девушки. Едва заметно, насколько хватало сил ослабевшего тела.

– На поле битвы они приходят сотнями, – отметил он.

Исгерд ухватила за ощущение руки. Для нее оно казалось сейчас единственным спасением. Мысли стаей обезумевших воронов бились в тесной клетке разума. Не останавливаясь ни на секунду. Не затихая. Не находя места. Заставляя утопать в безумии в тщетных попытках ухватиться хоть за одну.

Постепенно еловый лес редел, сменяя землистый покров пушистым влажным мхом и серым раздробленным камнем. Сквозь густые ветви стали пробиваться лучи света, слабые, тусклые, едва пробившиеся между кучных туч.

Облокотив Ульва о валун, Исгерд рухнула на колени перед рекой, погрузила дрожащие руки в ледяной поток и принялась тереть руки, избавляясь от крови мерзких существ.

– Нам оставили лодку, – Хэльвард толкнул подготовленный драккар в воду и направился к Ульффу, помогая расположиться на судне. – Держись, старина, отплывем и сможем подлатать тебя. Искерд!

Дочь хевдинга поднялась и, устало перебирая ногами, побрела к соратникам. Шаг, другой. Обжигающая боль пронзила голень, заставила пасть на землю. Слишком поздно до Искерд донесся шорох камней позади. Тварь, нелепым образом походившая на пса, вцепилась в плоть, волоча девушку назад к лесу. Искерд дернулась вперед, схватив выпавший от неожиданности Клык, и полоснула пса, вспарывая кожу и сухожилия.

Густая черная кровь хлынула ядовитым потоком, проедавая лоскуты одежды, обжигая кожу. Худошавое тело животного тяжелой грудой повалилось на камни, не выпустив добычи. Ногу скрутило вслед за гончей, поднимая по бедру обжигающую боль.

Крепкие длинные клыки разодрали голень, плотно застряв в теле. Ладонями Искерд схватилась за смыкающиеся челюсти гончей, раздвигая их в стороны. Крупная дрожь волнами прокатывалась по телу, исчезая в позвоночнике, пока Искерд не отшвырнула мертвое тело подальше от себя.

Искерд обернулась, силясь найти взглядом воинов. Должно быть, ей кажется. Приподнявшись на колени, она старалась сфокусировать расплывающийся взгляд. Нет. Черт, нет! Этот ублюдок, Ульв, стоял в плывущем по течению драккаре, наблюдая за безжизненной кучей подле ног, в коей Искерд узнала Хэльварда. Искерд залилась смехом, стоя на четвереньках точно животное. Искренне, во весь голос, временами склоняя и пряча голову в дрожащих ладонях.

Ни единому богу не понять, какое облегчение испытала девушка, придя в себя. Она жила ради битвы. Так как же осмелилась желать сбежать? Ее судьба – однажды погибнуть в бою, она пройдет по этому пути, прихватив хоть одну тварь с собой.

Пошатываясь, Искерд добрела до реки смыть кровь полупса. Шипя от боли, она избавилась от налипших, испорченных кусков одежды.

– Чертовы демонические отродья, – шипение вырвалось из горла.

В местах, куда попала кровь твари, на коже виднелись громадные волдыри, наполненные отвратительной желтоватой жидкостью. Точно лизнул жадный огонь. Оторвав часть рукава, девушка замотала укус, из ран которого сочилась тонкими струйками кровь, кажется, совсем перестав чувствовать боль. Теперь Мирна была в безопасности, и вокруг Искерд не было никого, кто мог остановить ее от безумства.

Изверги любили вторгаться в этот мир посреди особо жестоких и кровавых битв, смешиваясь с людьми, неся смерть каждому на своем пути. Так почему не показать им, сколь ужасающе бывают люди, сколь наслаждаются охотой на чудовищ?

Обратная дорога казалась короче. Не оттого ли, что мысли ее были ясны и заняты свирепым желанием? Искерд словно парила над землей, не замечая пульсирующей боли в ноге. Холодные ветра обдували разгоряченное тело воительницы, заставляли кровь бурлить в ожидании. Она вернулась. Подобравшись ближе к внутренним стенам города, Искерд склонилась к земле и, скрываясь за деревьями, всматривалась в движения.

Отдаленный лязг металла коснулся ушей. Не отвратительный, кой издавали изверги в попытках имитировать речь. Это был звук удара оружия, она не могла ошибиться.

– Постараюсь помочь им, – решила Искерд, медленно ступая внутрь города.

Тошнотворный запах ударил в нос, заставляя неосознанно морщиться и задерживать дыхание. Железо, кровь, сера и что-то едкое, не походившее ни на один из знакомых запахов. Жадное чавканье за углом остановило Искерд. Крадучись, дева неспешно приблизилась к краю дома.

Существо, подобное тому, что схватило Игерд за ногу у реки, разрывало, поглощая, на части останки человека. Слюна пса плавилась тело, превращая то в темную дурно пахнущую густую жижу.

– Вот откуда эта едкая вонь, – поняла Игерд, приближаясь к твари.

Учув живого человека, та подняла голову, издав утробное рычание, более походившее на скрип проржавевших петель. Припав к земле и оскалившись, тварь резко кинулась вперед.

– Обычные дворняги, – сплюнула Игерд на труп.

Кровь растекалась из распоротого брюха твари. Тихое шипение исходило от всего, куда кровь попадала. Девушка пригляделась к останкам мужчины. Тяжелый ком встал в горле, не давая вздохнуть. Хоть Игерд и привыкла к виду мертвых, смотреть на обглоданное тварью тело было невыносимо мучительно. Игерд огляделась, замечая повсюду разлившуюся озером темную жижу. Скольких же они сожрали?

Отдав короткую молитву Ванадис за души павших воинов, девушка поспешила к звукам битвы. Уже не таясь, но осторожно, вспоминая о раненной голени, присматриваясь к темноте, пытаясь отыскать чудищ, притаившихся в ней в ожидании очередной жертвы.

Одинаковые. Так подумала Игерд, проходя мимо очередного дома. Когда они пришли на эти земли, жители, некогда поста, а не города, возводили дома один за другим. Такие уютные, но непрочные. Игерд шла, мельком пробегая взглядом, не останавливаясь ни на одном из них. Как она раньше не замечала того, как они жили?

Каждый день, похожий на предыдущий, серый и унылый, словно дождливое небо, свинцом нависшее над головами. И только зов битвы вытягивал ее из очередного дня. Дни, когда приевшаяся реальность сменялась не менее знакомой, но той, что уносила все сомнения. Дни, когда она сражалась плечом к плечу с соратниками за свои земли и то, что считали заслуженной добычей. Что позволяло убежать от дней, незаметно сводящих с ума родившихся воинами. Земли, еда, оружие, драгоценности, чувства, желания, отчаяние, все, чем они дорожили, и что позволяло почувствовать себя живыми. Живыми людьми, а не куклами, повторяющими движения день изо дня, будто марионетки, ведомые нитями, в невидимых руках искусного мастера.

Лязг металла становился четче за очередным поворотом, словно поджидая случайных путников, забредших в опасные жестокие земли, желающие забрать их души. Игерд замедлила шаг, ступая мягко, словно волк, выслеживающий ловкую, не раз уходившую от него добычу. Вдох. Выдох. Контролируя все тело, от кончиков пальцев до прищурившихся глаз охотника и хладнокровного воина, способного оборвать нить жизни в считанные секунды.

Игерд ловко перескочила через ограду, слившись с прохладной стеной. Подобравшись к углу, Игерд осторожно выглянула, пытаясь принять действительность. Ее отец, хевдинг Виндгарда, и несколько солдат были заключены в кольцо тварей. Они наблюдали, истязали, играли с ними, ранеными и измученными, не давая и шанса выбраться.

– Прости меня, отец, – внутренне взмолилась Игерд, ступив из-за бревенчатого дома, разнося лязг проведенных друг о друга клинков.

Привлеченные шумом, изверги усталились на безрассудную, посмевающую мешать человеческую самку. Одна из тварей особо привлекала внимание Игерд. Та, возвышающаяся над остальными, стояла словно каменный страж, опираясь на громадный двуручный меч. Маска твари отличалась от других, озлобленнее, мрачнее, у нее была мощная челюсть с выпирающими клыками и слегка ветвистые, закрученные назад рога. Остальные существа расположились вокруг твари, точно защищая своего короля. Повинуясь приказу легионера, пара тварей двинулась к Игерд.

– Игерд, какого черта ты творишь? Я приказывал убираться отсюда! – разнесся отчаянный крик разъяренного Скъельда.

– Прости, отец, – повторила Игерд одними губами, не отважившись взглянуть в его сторону, до боли сжимая рукояти клинков, всматриваясь в рваные, резкие движения приближающихся тварей.

Игерд осознавала, сегодня настанет ее последняя битва. Еще тогда, в схватке у реки понимала это. Она тщеславна и эгоистична, всегда такой была. Она не могла заставить себя оставить отца, но с легкостью отправила сестру одну в неизвестные им земли, не желая видеть ее боль, почувствовать опустошение и поглощающую душу вину. Не могла скрыться в лесах, не видя своими глазами судьбы отца, даже не попытавшись спасти того. Да и возможно ли раненой укрыться от тварей, уже не раз находивших ее? Не стоит тешить себя пустой надеждой.

Твари медленно подбирались, переставляя конечности точно куклы, неуклюже, ломано. Вознеся последнюю молитву Ванадис, Игерд направилась навстречу извергам. На миг отведя глаза от врагов, краем взгляда она заметила отца, залпом выпившего отвар берсерков, тот с прежде невиданной яростью отсек руку извергу одним ударом.

Опьяненная жадой крови и смерти, Игерд заскочила за спину изверга, разрезая прочную ткань конечностей. Клинки пели, сталкиваясь с железом внутри тел существ, разламывали сталь и плоть, с легкостью отделяя головы завалившихся тварей. Кровавый туман застлал глаза Игерд, погружая в транс, ведя за собой прекрасную деву войны. Заставлял уклоняться от быстрых мощных выпадов. Заставлял пробираться сквозь павших от ее рук существ, не позволяя почувствовать ни усталости, ни боли полученных ран, прокладывая дорогу и ведя по той Игерд.

В один момент Игерд осталась одна среди истерзанных тел тварей. Она заозиралась, не помня себя, своей человеческой сути, в поисках врагов, жадая пролить кровь. Замерев на мгновение, Игерд резко повернулась, ощутив чужой тяжелый взгляд.

Существо наблюдало за человеческой женщиной, жадно следило за каждым движением, рассекающим нити жизни его подчиненных. Существо, не знающее ни страха, ни сожалений, не способное испытывать чувства. Но что-то в этой женщине заставляло то трепетать, желать. Подняв двуручный меч и приказав тварям разделаться с оставшимся мужчиной, по силе походившим более на них, нежели на человека, легионер двинулся навстречу Игерд.

На залитом кровью лице Игерд появилась улыбка. Безумная, нежная. Она смотрела на приближающееся чудовище, словно то было потерянным псом, вернувшимся домой спустя года. Вытерев клинки о рубаху, Игерд осталась на месте, жадно поглощая глазами каждое движение изверга, как совсем недавно делал он. Не такие ломаные, не такие рваные, как у остальных. Его движения были бурным потоком реки, движущейся по мели, пытающейся сдержать волю буйной стихии.

Игерд подобралась, стоило твари достаточно приблизиться. Мягко шагнув вперед, она вступила в безумный танец клинков. Она огибала легионера, пробуя на прочность сталь покрова, ускользя от ударов, не давая возможности извергу замахнуться. Она не замечала пульсирующих порезов от полного железа тела противника.

Точно погруженная в транс, Игерд продолжала свой неистовый танец, изрезая плоть, отсекая куски металла. Лишь одним ветрам известно, сколь длилась кровавая пляска девы с самим воплощением войны.

Мирна

Та крепость не была похожа на их дом. Холодная и мрачная, она каменным серым великаном возвышалась над головами путников, точно предупреждая держаться как можно дальше.

Мирна продолжала путь, ведя за собой народ, лишившийся крова. Не сомкнув глаз ни на миг за те дни, что они провели в пути, она упорно переставляла казавшиеся окаменевшими ноги, не сгибая спины, не показывая ни малейшей слабости.

Жесткость во взгляде, появившаяся за разговором с Корпом, заставляла походить девушку на сестру. Нет. На их отца в бою, когда ни один из живых не мог поспорить с его словом. «Хевдинг должен быть непоколебим в своей вере и заботе о людях». Слова отца навсегда отпечатались в памяти, став верой наравне с верой в Ванадис.

Люди покорно следовали за Мирной, в любой момент ожидающие новой атаки. Но не было той оглушающей тишины, все еще преследовавшей их во снах, и напряжение стихало, уступая место редким тихим разговорам.

Несколько стражей на лошадях мчались в их сторону. Мирна узнала в них людей ярла Ингвальда по красным рубашам с вышитой руной, что носили те.

– Всем остановиться! – взревели всадники, окружая вереницу. Мирна вытянула руку, приказывая следующим за ней людям подчиниться.

– Кто вы и зачем пожаловали во владения ярла Ингвальда? – спросил Мирну старший, чеканя слова и с едва скрываемым удивлением рассматривая уставших путников.

– Имя мне Мирна, дочь хевдинга Скьельда, управляющего северным наделом. – Пересохшее горло с трудом исторгало звуки, отказываясь слушаться. – Пришла просить ярла о крове для моих людей.

Страж не дал договорить девушке, настолько не терпелось ему все разузнать.

– Что произошло? Почему среди вас лишь женщины и дети, да пара воинов?

– На наши земли напали. Все, кто мог держать оружие, остались в Виндгарде, немногие защищали нас в пути.

– Йон, какого черта ты еще не у ярла? Живее! Неужели ты можешь стоять, когда земли ярла разоряют? – Взревел тот страж на младшего, хоть и был ниже того на голову.

– Это письмо хевдинг велел передать ярлу. – Мирна вытащила измятое от тяжелого пути письмо, протягивая его Йону.

Молодой воин принял письмо и устремился к замку. Мирна с едва промелькнувшей в глазах завистью проводила взглядом мужчину, с легкостью преодолевающего на коне стремящуюся вверх дорогу.

– Моим людям нужны отдых и пища. Мы сделали всего несколько недолгих остановок в пути, опасаясь преследования, и оттого же избегали городов.

– Не беспокойтесь, госпожа, ярл защитит вас и ваш народ, – страж, хоть и продолжал поглядывать на них с недоверием, повел тех в сторону крепости. – Скажите, на пути вам не встречались патрули? Почему они не помогли вам?

– Совершенно никого, – подтвердила Мирна, недовольно поджав губы. – Хочется надеяться, мы всего лишь разминулись с ними в лесах.

– Сомневаюсь, госпожа, что вам удалось обойти конный патруль без видимых причин, – протянул страж и добавил столь тихо, что Мирне подумалось, будто те слова лишь послышались ей. – Ленивые идиоты, опять засели в трактирах.

Мирна приказала людям следовать за стражем, сама перебравшись в конец колонны, подбадривая речами, протягивая руку, помогая взбираться ввысь, рассматривая каждого. Уставшие, истощенные и измученные. Кажется, не только она бодрствовала почти все эти дни.

Мирну беспокоили ее люди. Физическое истощение она могла излечить с легкостью, но душевное – то совсем иное. Они оставили позади свои семьи, и никто не верил в их возвращение.

Оставшуюся недолгую дорогу Мирна провела в раздумьях, и оттого не замечала, сколь крут оказался подъем, когда стертые подошвы скользили обратно вниз, рассекая до крови пальцы. Также как и не замечала ни едва показавшегося солнца в тонком просвете меж плотных синеватых туч, осветившего каменные пики, окружившие крепость, ни оттаивающих лугов, раскинувшихся вдоль обоих берегов Свель, ни поджидающего у врат крепости хмурающего брови мужчину.

Ярл Ингвальд выглядел подобно своим владениям, такой же мрачный и высокий. Мирна не была низка ростом, но ярл горой возвышался над ней, колким взглядом, от которого хотелось поскорее скрыться, рассматривал дочь своего друга.

– Признаться, я и не поверил собственным глазам и ушам, даже увидев письмо старины Скъельда, – голос ярла был под стать внешности, тяжелый и басистый. – Чтобы кто-то да осмелился напасть на земли берсерка? Это каким же кретином нужно быть? Но увидев тебя, все сомнения разом ушли. Так выросла, точная копия своей матери. И смотришь так же, точно хочешь насадить меня на копье. – Ярл рассмеялся собственной шутке, припоминая былые дни. – Одд, распредели людей по домам и выдай припасы. Они не должны ни в чем нуждаться.

– Благодарю вас, ярл Ингвальд, – склонила голову Мирна.

– Брось это, дитя, – похлопал по плечу Ингвальд. – Ты дочь хевдинга Скъельда, что роднее брата мне. Идем в дом, расскажешь, что произошло. Помнится, у тебя должна быть сестра, где она? – Ингвальд заозирался вокруг, пытаясь найти в толпе похожее лицо.

– На нас напали, когда мы отступали. Она осталась защищать нас. Корп, пойдем с нами, – позвала Мирна стоявшего неподалеку мужчину, выглядящего отстраненным и каплю безумным.

– Он видел нападавших, – пояснила Мирна, поймав отразивший на краткий миг недоумение взгляд ярла.

Ингвальд ступал на полшага впереди, позволяя осмотреться вокруг, не отвлекая девушку разговором, давая расслабиться после тяжелого пути и почувствовать себя хоть немного в безопасности среди живого города. Конечно, то непонятное, появившееся на подходе к крепости, гнетущее чувство никуда не исчезло, но более не терзало ее.

Каменные дома гигантами возвышались над Мирной посреди не слишком широких улочек крепости, напоминающих о необычном расположении крепости. Строителям удалось совершить немислимое – отстроить величественный город посреди неприступных скал. В голове промелькнуло воспоминание о рисунках каменного города из блокнота, подарка Исгерд, неуловимо похожего на Грозую крепость.

Хватало одного взгляда, чтобы сказать, города были построены в разные времена, архитекторами из разных уголков Нормара, однако существовало нечто, их объединяющее. То были военные крепости. Стоило мысли сформироваться в голове, как стройным рядом мимо девушки прошествовали четверо воинов, строго чеканя шаг.

Местные жители отличались от военных. Хотя бы тем, что без стеснений рассматривали редко забредавших в крепость путников. Поначалу Мирна ощущала неловкость от взглядов, направленных на них троих, но вскоре начала рассматривать их в ответ. Одни так и продолжали бесстрастно следить за прибывшими, другие смущенно отводили глаза, будто их застали за чем-то более постыдным, нежели обыкновенное любопытство, а некоторые неловко приветствовали и пытались пригласить к себе в дом. Тогда жители крепости перестали казаться мрачными и отстраненными.

За тяжелыми дверьми Мирне открылся просторный прямоугольный зал с множеством дверей и лестниц, уходящих ввысь. Высокие своды тонули в темноте перекрытий, скрывая от глаз настоящую величину замка. Необычный синеватый камень, дерево, ткани, меха и потрес-

кивающий огонь окружили уставших путников, успокаивая, обогревая, когда они окончили свой путь, забравшись в самое сердце замка.

– Для начала поговорим, – ярл завел их вглубь дома. Они оказались в небольшой зале, украшенной яркими, слегка потрескавшимися от времени щитами. Посреди комнаты находился крепкий стол из мощного дерева, вокруг которого расположились лавки, щедро укрытые шкурами и разноцветными подушками. Щиты, окрашенные в красный, подвешены на стенах неровным строем, за которыми брали свое начало едва тронутые временем гобелены.

Вслед за ними вошла женщина в годах, неся глубокую чашу и светлое сукно. Мирна едва было не склонилась перед ней, замешкавшись на секунду, когда женщина быстрым шагом отступила в сторону и сама склонила голову перед госпожой Грозовой крепости, невысокой женщиной с вечно слегка прищуренными внимательными глазами, отчего в уголках расплзлись глубокие борозды морщинок, делающие ту еще более привлекательной. Служанка передала чашу госпоже и поспешила удалиться, тихо прикрыв за собой двери.

– Гретта, жена моя, – просто представил Ингвальд властительницу крепости, дождавшись, когда их четверо оставят наедине. – Это Мирна, дочь Скьельда, и ее сопровождающий из северного надела.

– Мирна, рада приветствовать вас в стенах Грозовой крепости. Мне безгранично жаль, что нам пришлось познакомиться при столь ужасающих событиях. Располагайтесь, дорогие, путь был долгим, – Гретта коснулась плеча оторопевшей Мирны. – Присаживайся, дитя.

Теплая сухая ладонь подтолкнула девушку к столу. Запнувшись, Мирна скользнула на пушистые шкуры, запустила длинные пальцы в мех. Корп, стремясь находиться подле своей госпожи, расположился рядом. Спина мужчины согнулась, точно тонкий прут под штурмующим натиском ветра. Его взгляд, пустой, дикий, но внимательный, скачущий от угла к углу, беспокоил ярла сильнее прочего.

Гретта поставила чашу с водой напротив гостей, протянув каждому сукно, и расположилась напротив Мирны, мягким взглядом поддерживая и успокаивая мечущуюся душу. Ярл, грузно опустившись рядом с женой, хмуро поглядывал на путников, хоть и старался не высказывать беспокойства.

Мирна заводила смоченной в разогретой воде тканью по рукам, нарочито медленно, точно медитировала, погружалась в транс, смывала землю и запекшуюся кровь, беспокоила небольшие ранки и мозоли, покрывшие за дорогу ладони. Корп неотрывно наблюдал за движениями Мирны, завороченно следуя взглядом за капелькой крови, медленно сползающей по ребру руки девушки. Стоило той незаметной упасть на юбку, Корп еще больше сжался. Крепко схватив сукно, он сунул его в воду, расплескав половину, быстрыми движениями растирал руки, ожесточенно, царапая и без того поврежденную кожу.

Мирна не могла поверить собственным глазам. Что же он видел там, раз повредился разумом? Мирна бросилась к мужчине в бессильных попытках перехватить его руки, остановить его. Грохот кулака о стол и звонкая пощечина зазвенели громом, разрезая воздух.

Мужчина выронил окровавленную тряпку, впервые с момента бегства ясным трезвым взглядом обвел присутствующих.

Молчавшие до того в оцепенении правители переглянулись.

– Да что происходит? Почему вы двое точно вернулись нежеланными гостями из обители Хеллы? – спросил Ингвальд, сжимая кулак, из-под которого лентами по столу тянулись тонкие глубокие трещины.

– Пройти через души неприкаянных в обители мертвых было бы в разы милосерднее произошедшего. – Корп наклонился к столу, не прекратив смотреть в глаза ярла. – Помнишь ли ты предания, ярл? Помнишь о тех тварях, что приходят на поле великой битвы и вырезают каждого, будь то человек или животное? Помнишь уже позабытых тварей Изнанки? А они

нас не забыли. И сколь кровавые реки давно не текли, они пришли заполнить кровью земли и великую воду.

По телу Мирны мерзкими волнами заплясали мурашки.

– Ты болен, раз несешь этот бред. Не можешь отличить видение разума от реальности? – ярл медленно растягивал слова, и глаза его мрачнели с каждым произнесенным словом. – Гретта, проводи гостей.

– Ярл Ингвальд, я верю его словам, – возразила Мирна. – Вы знаете, воины северного надела свирепы и могут противостоять любой армии, но ни один не нагнал нас в пути. То, что пришло в наши земли, вселяет страх, что сводит с ума сильнейших, это не может быть чем-то иным. Корп видел их собственными глазами, а отец и сестра остались выиграть нам время.

Злость поднималась в груди Мирны. Злость за неуважение Корпа к ярлу, злость на ярла Ингвальда, что не высказал ни капли доверия, злость на беспомощную себя и безрассудную сестру.

– Прошу, пошлите людей. Не верю, что вы могли не знать, как выглядит пир извергов.

– Я и так собирался это сделать, неужели вы думаете, что я оставлю все как есть? Ничто в мире не заставит меня отвернуться от союзников, – ярл глубоко вздохнул. – Все же, Мирна, Изнанка и ее твари – всего лишь байки, которыми пугают детей. Помню, твоя мать любила истории о них. Отдохните после дороги. И ни слова никому о сказках, нечего сеять смуту на пустом месте, – добавил Ингвальд, грузно поднимаясь из-под стола.

Гретта задумчивым взглядом проводила удаляющуюся спину мужа.

– Вы, должно быть, голодны, – протараторила она и умчалась в сторону, откуда доносились запах горящих дров, но более – мяса и овощей, дразнящий обоняние. Корп и Мирна не проронили ни слова, пока сердобольная хозяйка подносила блюда, пока вкушали пищу, коей, по ощущениям, могли наслаждаться лишь боги, пока, разомлевшие, добирались до кроватей.

* * *

Гретта осторожно прикрыла дверь спальни, опасаясь издать лишний шум. Казалось, любой звук сейчас был способен заставить ее испугаться любой крошечной тени в углах.

Ингвальд сидел на краю кровати и медленными, вдумчивыми движениями ловко общипывал травинку.

– Ты был слишком строг с ними, – без упрека в голосе прошептала женщина, положила ладонь на спину мужа, присев рядом.

– Так было нужно, – ответил Ингвальд. – Пусть лучше считают, будто разум сыграл с воином злую шутку, ибо они ослабли и не смогут выдержать суровой реальности.

– Это произошло взаправду? Мы не могли ошибиться? Ведь с того раза прошли десятки лет.

– Прошли, – согласно протянул ярл. – И нутро подсказывает мне, эти твари просто не могли пробраться в наш мир. Они искали что-то, что могло помочь им. Или кого-то. – Ингвальд провел ладонью по лицу. – Наступили тяжелые времена, да принесет милостивая Ванадис удачу на своих крыльях и мече.

Ингвальд

Палящее, точно вечное пламя Файрхолта, солнце слепило всадников, заставляя хмуриться и обливаться мерзким липким потом, насквозь пропитавшим одежды. От него негде спрятаться, ни единой тени не найдется в этой чертовой безжизненной равнинной пустоши. Ветра, благословение мира, рассерженные, вздымали клубы пыли, забивали ту всюду: в вещи, в уши, в нос, в жесткие шкуры коней, не даря ни капли спасительной прохлады.

– Боги что, проклинали это место? – прошипел всадник, сплевывая песок из пересохшего рта.

– Не ной, осталось немного, скоро доберемся до Фардаля, там и укроемся от бури.

На пути все чаще стали показываться редяющие одинокие кустарники, покрытые парой засохших листьев и колючими иглами. Дорога устремила к солнцу, будто и без того не пекло, чтобы спустя время резко уйти вниз, открывая взору город, раскинувшийся у спокойной широкой реки, в коей, на вид, человек мог сидеть, не боясь захлебнуться. Темная зелень застилала почву вдоль реки, покрываясь коричневыми пятнами и исчезая вдаль от нее. Путники направили коней по узкой дорожке, ведущей в Фардаль. Солнце уже клонило к земле, но оставалось жарким, как и прежде. На подступе к селению мужчина во главе остановил всадников, призывая спешиться.

Едва различимый прогорклый запах встретил вошедших в город. В тишине, нарушаемой лишь воем ветров да отдаленными всплесками воды, воины озирались, держа в руках оружие, готовые в любой миг к сражению.

Они не встретили ни единого человека, но город явно не был заброшен. Высохшее белье покачивалось на натянутых веревках, загоны для скота были закрыты, а в воздухе ощущался запах гниения, стоит пойти на который, легко наткнуться на помещения, где хранили запасы пищи, или накрытый яствами стол. Никто в здравом уме не ушел бы без припасов.

Трое воинов отделились от остальных, продвигаясь вглубь селения, минуя дом за домом, теряясь в узких улочках Фардаля. Мужчина замедлился, стоило заметить снесенное ограждение, обступающее здание. Он поднял руку, сжатую в кулак, призывая соратников собраться. Двое переглянулись и двинулись к мужчине. Они двигались бесшумно, сосредоточенно, но в то же время немногим лениво, зная, как ступить, дабы не издать ни звука. За ограждением раскинулась широкая городская площадь.

Устремившийся ввысь деревянный столп, покрытый рунами, притянул к себе взгляд, заставляя забыть. Воины замерли, рассматривая столп в густом тумане, сквозь который пробивались яркие закатные лучи солнца. Звонкое чавканье разрезало пространство, привлекая внимание. Они и не заметили ее сразу. Черная как смоль тварь пряталась в тени. Подле столпа на полусогнутых лапах объедала человека что-то напоминавшее дворнягу. Она вырывала куски плоти, из ее пасти вылетала темная жидкость. Попадая на основание столпа, та разъедала дерево с отвратительным шипением. Раздраженная, тварь отбросила кусок выгрызенного человеческого мяса в сторону, развернув уродливую клыкастую морду к столпу.

Тварь распрямила тонкие вытянутые лапы, поднимаясь, неторопливо обошла по кругу деревянное сооружение. Ужасный вой раздался из пасти псины, протянутый, режущий, что пришлось закрыть уши, из которых готова была потоком хлынуть кровь. Тварь огрызнулась и вцепилась зубами в дерево, выгрызая куски за кусками. Древесина плавилась в пасти твари. Но и сама тварь не осталась нетронутой. Шипящая жидкость, в которую превращалась древесина, уродовала и без того жуткую морду, прожигала, выедала черную плоть, смешиваясь с кровью. Столп разбился, с пронизывающим треском завалившись на землю, не выдержав напора твари.

Поскуливая – на то был похож издаваемый звук – тварь направила к недоеденному телу. Она тыкалась в него мордой, не понимая, что у нее не осталось челюстей.

Воины, неотрывно наблюдающие за тварью, отмерли в секунду. Подняв огромный топор, мужчина, перестав скрываться, двинулся к твари, прислушиваясь к округе. Морда псины натянулась, сложившись складками, точно та пыталась то ли оскалиться, то ли усмехнуться. Отрубленная башка твари покатила по земле, встретившись с топором. Двое других, мужчина и женщина, следовавших за женщиной, приблизились к воину.

– Да что здесь творится? – запричитал мужчина, жаловавшийся всю дорогу на пекло.

– Тварь Изнанки, – распознала в трупe существа женщина. – Они появились, как и предсказывали вельвы.

– Они придут в час тишины, а с ними путники чернее тени Хеллы, разъедая плоть земли, – прошептал молчавший до сего мужчина, лоя взглядом последние лучи заходящего солнца.

Тонкая струйка лунного света падала на лицо ярла, заставляя жмуриться, сжимать и без того сомкнутые веки сильнее, пыталась пробраться в тревожный сон мужчины. Ингвальд распахнул глаза в попытках отогнать непрошеное видение прошлого и, убедившись, что жена крепко спит, тихо оделся и покинул покой.

Он спустился в нижнюю залу, подбросил бревна в затухающий огонь и уселся прямоком на шкуру, брошенную на пол.

Молчаливой тенью к нему присоединилась Мирна, замороженно глядя на разгорающееся пламя. Время текло медленно, и Мирна прервала затянувшееся молчание.

– Из тебя вышел великий предводитель, ярл, но ужасный лжец.

– Да что такая малявка может понимать, – незло возразил мужчина и продолжил. – Ты очень похожа на свою мать, Раннвейг, такая же сильная и бесстрашная. Однажды мы с твоими родителями сидели также. Конунг Асgrim, отец нынешнего конунга Бедмонда, созвал ярлов на ежегодный пир. Тогда все пили, танцевали, веселились, за исключением приближенных Асгрима и него самого. Ярл Фардаля не явился сам и не прислал ни одного из сыновей, чем жутко оскорбил конунга. А тогда Фардаль был крупнейшим наделом с прекрасным городом, названным именем земель. Или земли носили название города, никто не помнит уже. Все были уверены, что они восстали против конунга. – Ярл остановился, задумавшись. – На самом деле, каждый из ярлов думал о восстании, Асgrim был еще той занозой в заднице, а временами и хуже.

– И что произошло потом? – поинтересовалась Мирна, подобрав ноги.

– Тогда Асgrim созвал лучших воинов и приказал уничтожить Фардаль. Мы стали одними из тех, кто отправился на юг, но стоило войти в первое селение, так никто из его жителей не мог понять, что происходит. Никто не слышал ни слова о восстании, и так поселение за поселением. Тогда мы со Скъельдом и Раннвейг да десятком наездников рванули прямоком в Фардаль. Там и встретили впервые гончую Изнанки, эта сволочь обглаживала последнего человека в городе. Мы сожгли город, а вернувшись, объявили о чуме, уничтожившей старейший город. Бедмонд – единственный, кто не поверил нашим словам даже спустя долгие недели проверок. Он притащился к нам, когда мы также сидели перед огнем и пытались осмыслить увиденное. На следующий день голова Асгрима была выставлена всем на обозрение, насаженная на копьe.

– Это сделал Бедмонд? – ужаснулась Мирна.

– И все были благодарны ему, – поспешил ответить ярл. – Асgrim был лжив, жаден, никому не верил, даже собственным женам и сыновьям, а когда земли нуждались в помощи, лишь отмахивался от тех. Его интересовало лишь золото да новые завоевания. Он не верил в предсказания вельв, голоса богов. Он сходил с ума, и последние года его невозможно было выносить. Бедмонд понимал, что такой конунг не сможет позаботиться о будущем своего

народа. Он видел, как некогда великие земли разваливаются по кусочкам, видел смерти слишком многих дорогих ему людей.

– Вы все взвалили на себя тяжелую ношу, – постаралась утешить его Мирна.

– И справились с ней, – улыбнулся в ответ Ингвальд. – Прошло уже более тридцати лет, теперь все мы едины под его мудрым правлением.

– Но почему никто не слышал о тварях Изнанки? Люди не готовы дать отпор, мы словно пасущиеся в лесу овцы среди волков.

– Мы пытались, но никто не захотел слушать. Время богов ушло вместе с вельвами и друидами, что защищали нас. Их оскорбил и прогнал Асгрим. Будь он проклят! – Тихо зарычал Ингвальд. – Даже немногие из нас ныне веруют в Ванадис, великую Мать.

– Мы больше не встретимся с ними? – спросила Мирна то ли о провидицах и жрецах, то ли о семье.

– Нет, – коротко ответил Ингвальд.

Они провели за разговорами возле огня всю ночь – Ингвальд пытался отвлечь молодую девушку историями об их путешествиях со Скъельдом и Раннвейг. Мирна рассказывала об их с сестрой проделках, от которых у отца каждый раз так забавно краснело лицо, и незаметно для себя уснула, согретая теплым пламенем и воспоминаниями. Ингвальд вернул девушку в постель, заботливо, точно та была его дочерью, укрыл теплым покрывалом из овечьей шерсти.

Стоило солнцу явить первые лучи, ярл вызвал Одда, казавшись, также не спавшего всю ночь.

– Нужно осветить каждый закоулок в крепости. Огонь должен пылать днем и ночью, назначь наблюдателей и патруль, – быстрое постукивание пальцем по столу выдавало напряжение ярла. – Я возьму два десятка людей, выдвигаемся в Виндгард. Проверим, что эти твари сотворили с нашими землями.

– Кузнецы по давнему приказу соорудили уличные жаровни, они заменят легко гаснущие факелы. Они сейчас на складах, их установят по всему городу.

Ярл одобрительно кивнул. – И помни, Одд, будь то захватчики или проклятие богов, мы не можем позволить им свирепствовать среди людей.

– Понял, ярл, – Одд скептически взглянул на Ингвальда и, поклонившись, двинулся к выходу. Он никак не мог решить, верить словам ярла или же нет. Одд не верил в богов, но верил ярлу, который точно был в своем уме, по крайней мере до тех пор, пока не начинал вещать об Изнанке.

Поразмыслив над следующими действиями, Ингвальд направился к сыну. Тормод, такой же здоровый великан, как и Ингвальд, дрых поперек своей кровати. Он укоризненно уставился на отца, выудившего его из плена сновидений, но, окончательно избавившись от пелены ночных видений, отпустил уже готовую сорваться шутку.

– Отправляйся к конунгу Бедмонду, гони лошадей, что есть силы, – Ингвальд вложил в руку сына темный медальон с шеи. – Передай конунгу, внутри него послание. Слушай дорогу вокруг, если тишина достигнет тебя...

– Беги в сторону воды, эти твари не могут плавать, – закончил Тормод за отца. – Еще бы они умели, напичканные металлом, быстро они пойдут ко дну.

– Мы не знаем, умрут ли они подобным образом, но это позволит тебе сбежать.

– Чем займешься ты, отец? – Тормод уже оделся и внимательно смотрел на отца.

– Отправляюсь в Виндгард. Вчера в сумерках дочь Скъельда, Мирна, привела половину поселения с собой. Эти твари объявились посреди северного надела.

– Теперь понятна спешка. Погоди, Мирна? А как же Исгерд? Хотя, вспоминая ее буйный нрав, предположу, что она осталась с отцом.

– И окажешься прав. Вернешься обратно, присмотри за гостями, – Ингвальд, направившись на выход из комнаты, задержался в дверях. – Удачи, сын.

– Удачи, отец, – отозвался Тормод.

«Слишком солнечно для такого скверного дня», – подумалось Ингвальду. Созвав воинов, он ждал их на выходе из города, неторопливо почесывая гриву коротконового скакуна. Сверр, несмотря на свое имя, спокойно поглядывал на Ингвальда, изредка перебирая мощными копытами.

– Мы готовы выдвигаться, ярл, – за Эгилем, одним из приближенных Ингвальда, два десятка воинов вели под уздцы коней.

Ярл внимательным взглядом окинул знакомые лица. Он знал, Эгиль веровал в двух великих матерей, Ванадис и Хеллу, больше половины сопровождающих же не верили в богов и высшие силы, надеясь лишь на собственные силы.

По преданиям, после ухода Младших богов, чье правление было мимолетным по меркам жизни богов, Старшим не осталось ничего, как остаться править в разбитом на куски мире. Их стали забывать, имена исчезали одно за другим, пока на устах живых людей не остались лишь имена Первых Трех.

– Пускай увидят происходящее собственными глазами, – неслышно пробормотал Ингвальд. – Отправляемся к драккарам. Всем быть начеку, в бой по возможности не вступаем, важно понять, кто эти сумасшедшие, пришедшие на наши земли, и сколько их. – Ингвальд поймал натянутую, беспокойную улыбку стоящей вдалеке Гретты и, ловко взобравшись на коня, направил скакуна по дороге.

Хэльвард

Во рту стоял отвратительный привкус крови – медный, тягучий, раздражающий. Хэльвард грузно перевернулся на спину, сплевывая мелкую гальку и песок изо рта. Голова, готовая разорваться на кусочки, пульсировала в такт ленивому карканью ворона, поджидающего смерти мужчины. Хоть Ульв и изволил вытащить его из покачивающейся лодки, от одного взгляда на которую переворачивался желудок и тянуло блевать, чести ему это не возвращало. Как только поймает ублюдка, отсечет пару лишних конечностей собственными руками перед тем, как притащить того на справедливый суд перед ярлом.

Из последних сил приняв вертикальное положение, Хэльвард медленно заоглядывался в тщетных попытках понять, куда его занесло. Солнце клонило к земле, слепя, оставляя белые отметины в глазах смотрящих. Мужчина всматривался в течение реки. Мелкий, что можно было рассмотреть мелькающую изредка серебриющуюся чешую рыб, поток неспешно пробирался сквозь густой хвойный лес. Все вокруг было одинаковым – он мог оказаться в любом оттоке Свель.

Приняв решение не выдвигаться в путь, покуда не уляжется шторм перед глазами, Хэльвард приблизился к лодке, осмотрел небогатое содержимое, извлек сверток теплого овечьего сукна и небольшой кисет с огнивом и кремнем внутри. Мужчина двинулся подальше от лодки к раскидистым кронам деревьев и, накидав на холодную землю мягкого лапника, устроился ночевать.

Утро застало воина голодным и страдающим от жажды. Голова по-прежнему ныла, отдавая болью в висках. Хэльвард подобрал длинную палку, которую счел пригодной для рыбалки, обтесал ее и, спустившись к реке, устроился на огромном валуне, поджидая незадачливую рыбешку.

Разбежавшиеся поначалу от тени и шагов мужчины рыбы робко стали проплывать невдалеке, опасаясь приближаться к застывшему, точно неподвижная скала, мужчине. Ловким, отточенным движением Хэльвард вогнал древко в решившуюся подплыть рыбину.

– Похоже, богиня даровала мне удачу, – прошептал мужчина, с жадным интересом рассматривая вытянутого, покрытого серебристой чешуей сига, мысленно успев вкусить сочную насыщенную плоть.

Утоливший голод Хэльвард вознес молитву Ванадис, поглядывая в сторону лодки. Присев возле лодки, мужчина всматривался в песок. Подобно охотничьему псу пытаясь уловить след. Легкая поступь пролегла по земле. Это мог быть только Ульв. Выпрямившись, Хэльвард направился в сторону леса по пятам предателя, непрерывно уговаривая себя не казнить ублюдка на месте.

Лес, обступивший мужчину со всех сторон, казался тому темнее родных лесов Виндгарда. То ли это было правдой, то ли игрой ненадежного разума, пережившего слишком многое за последние сутки. Земля, однако, здесь оказалась мягче, податливее, точно желая помочь Хэльварду догнать предателя, сохраняя следы тяжелой поступи сапог в мхах и опалой листве.

– Глубоко забрался, тварь, – шипел Хэльвард, отводя колючие ветви от лица.

Приноровившись к местности, он заметно быстрее продвигался по незнакомым землям, в один момент перейдя на бег подобно охотничьему псу, учуявшему добычу. Ульв бежал со всех ног, периодически останавливаясь на привал. Хэльвард находил его пристанища. Притоптанные участки травы, обобранные кусты ягод. Он следовал за ним, пока солнце окончательно не уступило темной ночи. Пока спустя дни густой лес не стал редеть, наполняясь ярким солнечным светом, пока мужчина не ступил на протоптанную дорожку, приведшую его к деревне, расположившейся на просторной зеленеющей плодородной земле.

Деревня. На первый взгляд в ней не было ничего примечательного. Только приблизившись, можно заметить, какой чертовски странной та была. Слишком правильной. Слишком светлой. Такой, что уставали глаза от одного брошенного мельком взгляда. Дома, ладно сложенные из светлого дерева, щедро покрыты рунами защиты и процветания. То и дело Хэльвард замечал расставленные по углам домов чаши с тлеющими травами, от которых клубился белоснежный плотный дым, ловивший в себя лучи солнца и точно светящийся изнутри.

Хэльвард ступил в деревню. Счастливые крики мальчишек, игравших неподалеку, отвлекли его от мыслей, возвращая к реальности, неожиданно обступившей его, покрытого кровью, грязью и потом. Улыбки. Прошло совсем немного времени, как он покинул родной край, но казалось, будто прошла вечность. Будто он никогда и не видел счастья. Будто все воспоминания забрали те твари, оставив в голове лишь видение смерти Иггерд.

Статная высокая женщина с легкой, точно игривый свет луны, проседью в волосах, преградила ему путь.

– Богата судьба на путников в этом месяце, – на губах ее играла нежная улыбка, а сильный голос был сродни звучанию лиры в руках талантливого мастера.

Синева темнеющего ясного неба плескалась в ее глазах, настолько сияющих и глубоких, что Хэльвард растерялся на мгновение, забыв о причине, приведшей его сюда.

– Хэльвард, госпожа, – представился тот. – Я ищу мужчину, пришедшего сюда незадолго до меня. Он оставил меня позади и ушел.

– Ты не лжешь. Но и не говоришь всей правды. Как и тот, за кем ты пришел.

– Поверьте, всей правды вам лучше не знать.

– Мы должны узнать, мы чувствуем изменения, – нахмурилась женщина. – Вы принесли с собой запах, незнакомый нам. Железо и жажда, они не принадлежат вам, а вот страх, подобно яду, разливается в душах.

Хэльвард отступил на шаг от женщины, глаза которой волной сменили цвет на ярко-зеленый, цвета летней листвы. Вокруг никого не было. Он не мог вспомнить, когда они остались одни, когда утихли голоса и звуки вокруг.

– От твоего друга, назовем его так, от самой его сущности пахнет гнилью и зараженной землей, но точно не ослепляющей яростью, в отличие от тебя. Расскажи нам все без утайки, и мы отдадим его тебе.

Хэльвард уставился на незнакомку, жадно разглядывая ее глаза, в коих не виднелись ни страх, ни интерес. Лишь сила. Сила, способная поставить на колени любого человека, которого только можно представить. Дикая, необузданная, лишенная эмоций и человеческой морали.

– Кто вы?

– Можешь звать меня Храндис. Я глава поселения, – представилась женщина. – Вижу, ты решился, идем, Хэльвард, видимо, разговор будет долгим и не для всех ушей, – развернувшись, женщина направилась вглубь деревни, словно не касаясь земли, плывя, точно вдыхала жизнь в крохотные травинки, что распрямлялись, тянулись вслед за ней.

– Так вот что произошло, – Храндис разливала заваренные в горячей воде ягоды с травами. – Твари, состоящие из плоти и металла, давно наш мир не сталкивался с ними. Сейчас же они свободно разгуливают, кровавыми реками омыают берега человеческих земель.

– Вы так спокойны, неужели они приходили и раньше? – спросил Хэльвард.

– Мне не довелось столкнуться с ними лицом к лицу, но в наших краях все слышаны о них, – спокойно ответила Храндис.

– И все верят в существование тварей Изнанки? – удивился Хэльвард. – Хоть некоторые и рассказывают о них детям, мы были уверены, будто все это лишь детские сказки.

– У нас нет возможности не верить в нечто опасное. И если судить по твоему рассказу, не все из вас считали их страшной выдумкой, иначе из города не удалось бы бежать ни еди-

ной душе. Искренне сочувствую твоей утрате, – Храндис заняла место напротив Хэльварда. – Изначально я хотела отдать того мужчину на некоторых условиях, но более не вижу в том нужды. Возможно, ты спас жизни многих здешних жителей, за что я обязана отплатить, а предатель должен быть наказан.

С задней стороны дома расположилась довольно широкая простенькая пристройка. Из непримечательного, выцветшего на солнце и ветре серого дерева, она не притягивала к себе взглядов, но хранила столь ценные травы и настои, что хватит на содержание Виндгарда с десяток лет. Оторопевший Хэльвард остановился на входе, притянув злой взгляд Храндис.

– Закрой дверь снаружи или изнутри, здешним травам противопоказан свет и влажный воздух, – рассерженной кошкой прошипела женщина и смягчилась, стоило Хэльварду поспешно переступить порог, плотно прикрыв за собой двери.

Юбки платья шуршали по необработанным доскам, застилавшим полы пристройки, точно засушенные листья, цветы и мохнатые корешки растений, занявшие каждую поверхность, свисающие отовсюду с потолка. Хэльвард поспешил вслед за удаляющейся фигурой.

В дальней части пристройки, куда завела его Храндис, в полу обнаружился люк, на который женщина указала длинным пальцем и приказала открыть. Он склонился и пальцами подцепил металлическое кольцо, потянув за которое, едва удалось сдвинуть неподъемную конструкцию. Храндис, изящно подобрав полы платья, ступила по широким деревянным ступеням, не побоявшись оказаться запертой в темноте с крошечной подвесной лампадой.

Казалось, внутри должно быть непроглядно темно, точно в обители Хеллы, а воздух пропитаться зловонием отсыревшей земли. На удивление мужчины, ступени, ведущие вглубь, были отчетливо видны в тусклом свете, исходящем издали и от лампы. Воздух, казавшийся куда суше, нежели наверху, наполнился мелкими песчинками пыли, проплывающими вокруг, оседающими на поверхностях и одеждах.

Чем глубже они спускались, тем суше становился вдыхаемый воздух, колючей проволокой вцепившись в глотку. Царапающее жжение стало казаться невыносимым, пространство перед глазами предстало излишне ярким, расплываясь по краям. Храндис обернулась к нему, почувствовав неладное. Крохотный пузырек с прозрачной жидкостью переключался из кармана в ладонь женщины. Отточенным движением она открыла закупоренную крышку и нанесла эссенцию близ ноздрей и на веки воина. Показавшийся сперва горьким аромат спустя мгновение раскрылся дикой хвоей, облегчая боль.

Не дожидаясь благодарности, Храндис развернулась на пятках и тихим быстрым шагом преодолела оставшиеся ступени, достигнув конца лестницы, оказавшегося совсем близко.

– Здесь непривычно находиться, в особенности после весенних влажных дней, каждый из нас носит подобные масла, – Храндис указала рукой на огонь, освещающий странное пространство, лижущий длинными языками закрытые стены камина, от которого вверх тянулась широкая труба, прячась в потолке. – Огонь выжигает всю воду вокруг, это важно, чтобы травы хранились долгие годы неизменными.

Многоярусный стол из плотной древесины расположился близ огня. Большая столешница была заставлена неизвестными Хэльварду приспособлениями, среди которых он едва смог различить весы и ступки разных размеров, от самых крошечных до едва подъемных даже для воина. Остальные же ярусы были наполнены ничем не примечательными тканевыми мешочками и соединенными между собой колбами, что использовались часто, судя по несмывающимся сероватым полосам на внутренних сторонах.

– Вы столь сильны, удивительно видеть нечто подобное вокруг. Неужели нельзя было достичь этого при помощи дара? – Удивился Хэльвард.

– Силу не стоит использовать столь бездумно, – ответила Храндис. – Ею мы ломаем мир, и за каждым нашим действием обязательно последует ответ. Более того, эти зелья и травы в

подавляющем большинстве идут в обычные людские селения по всему Нормару, невозможно поддерживать их силу на расстоянии.

– Почему вы не оставили людей, как то решили друиды? – поинтересовался Хэльвард, застыв ожившей статуей.

– Мы не люди, чтобы поступать столь бесчеловечно. – Тело Храндис в одно мгновение стало напоминать металл. Жесткий и холодный.

– Вы так ничего и не рассказали о себе, – заметил Хэльвард.

Казалось, попытка увести разговор не удалась, но спустя долгий десяток вдохов плечи женщины опустились, а в глазах вновь завел движение сине-зеленый водоворот.

– Закончим здесь, – Храндис приглашающе провела рукой, указывая за ограждение из шкафчиков, – и отвечу на все твои вопросы.

Пространство под складом оказалось куда меньше самой пристройки, это Хэльвард понял, ступив несколько шагов вперед. Стены, укрепленные прочными широкими балками, поддерживающими высокие своды, терялись в темноте. Лишь зажженные на пути Храндис свечи позволили разглядеть закупоренные прозрачные сосуды с вытяжками и лекарствами, драгоценные корни, вытянувшиеся за десятилетия выше обнимающих небо деревьев, обтянутые кожей рукописи, спрятавшиеся в слабо освещенных стеллажах.

– Знающие отошли бы к великой Хелле, увидь они огонь близ ценных филиалов, – заметил Хэльвард.

– Среди наших людей не найдется строителей, способных возвести великие каменные цитадели, приходится довольствоваться имеющимся, – пальцы женщины легко проскользили по корешкам ближайших манускриптов. – Здесь единственное место, где они смогут сохраниться долгие годы.

Храндис поспешила вдоль стеллажей, будто вспомнила нечто воистину важное.

– Некоторые микстуры могут готовиться несколько дней. Приходится оставаться внизу подолгу, чтобы контролировать процесс, поэтому помимо инструментария пришлось принести кровать, – Храндис остановилась, закрыв собой неширокий проход, спрятавшийся между двух шкафов. – Не думала тогда, что придется использовать это место для чего-то подобного.

Взгляд невольно упал на зажженную лампаду, стоявшую позади женщины на невысоком столе, полном письменных принадлежностей. Храндис окинула тяжелым взглядом его лицо, словно в последний раз подтвердила собственное решение, и сдвинулась в сторону, открыв проход в огороженную часть комнаты.

В ярком свете комнатка казалась куда светлее остального помещения. Хэльвард не сразу заметил, ради чего привела его Храндис, взглядом скользнув по столу, где раскрытой лежала недописанная рукопись, затем по сундуку, наверняка полному личных вещей, пока не уперся взглядом в ладно сложенную кровать в дальнем углу.

Ульв бледной тенью прежнего себя вытянулся напряженной струной на узкой койке. Недавние раны покрылись жесткими корками без следа крови. Кожа на лице и исхудавших руках потрескалась, а под глазами – впала, облепив яблоки. Невозможно было взглянуть на некогда сильного воина без толики жалости, только разбуженные ненависть и презрение забурлили диким потоком Свель, сметая остальные чувства.

– Что с ним? – спросил Хэльвард.

Холодок пробежал по горячим рукам мужчины, поднимая будто ошетинившиеся волосы.

– Он не оказал должного почтения жителям Флейструпа, пытался угрожать нашим детям, – тихо ответила Храндис, встав за плечом мужчины. – Природа всемогуща, дитя. Одни растения могут сделать тебя сильнее, другие ослабить и помутить разум, а третьи помогут расстаться с жизнью. Пара вытяжек из подобных трав, и твой друг почти утратил связь с реальностью.

– Он посмел заявиться сюда и угрожать вам? – В голосе Хэльварда зазвенела ледяная сталь.

– Он потерял рассудок задолго до того, как добрался до сюда, – пояснила женщина. – Это не оправдывает его, но и не стоит слепо ненавидеть того, кого не назвать более человеком. Ты же не ненавидишь загнанного волка, что посмел оскалиться в ответ на все нанесенные раны.

– Ты сможешь привести его в чувство? Он способен разговаривать? – засомневался Хэльвард, и сердце забилося чаще от мысли, что его путь был напрасен.

– Недолго сможет, – успокоила его Храндис. – Надеюсь, за время, проведенное в беспмятстве, он смог достаточно восстановиться.

В карманах платья вновь зазвенело стекло, наполненное неизвестными жидкостями. Храндис мягко отстранила Хэльварда, закрыв Ульва собой. На свободный край кровати легли тонкие сосуды.

Храндис заверила, будто не использует магию для изготовления лекарств, но он был убежден в обратном. То, что находилось в одном из пузырьков, невозможно было бы создать одними лишь руками. Багровая жидкость точно живая вела свой затейливый танец в оставшемся неподвижным флаконе. Подобно живому огню, она извивалась, затихала, чтобы в следующее мгновение с новыми силами разгораться сильнее.

– Подай воду со стола, – велела Храндис.

Хэльвард вздрогнул. Храндис смотрела прямо в глаза, едва заметно подозрительно прищурившись. Он быстрым шагом пересек комнату, потерянно разглядывая уложенные на пол обработанные дощечки, и столь же стремительно вернулся, расплескав часть жидкости, оставившей темные пятна на полу.

– У вас будет совсем немного времени, если не хочешь, чтобы он утратил разум окончательно, – предупредила Храндис.

Виски ее покрылись испариной, тонкие морщинки на лбу блестели от пота. Она прижала знакомый флакон к губам Ульфа, и жидкость потекла по горлу, прозрачная, без малейшего оттенка.

Опустевшие сосуды вывалились из ослабевших пальцев, покатались, издавая пронзительный скрежещущий отзвук. Он едва успел подхватить выпрямившуюся Храндис, чтобы помочь подойти к крепкому стулу, пошатнувшемуся от резко упавшего веса тела.

– Что случилось? – взволнованно спросил Хэльвард.

– Загнанного дикого зверя ждут три судьбы, и, если он отказывается от одной из них, за него решает охотник, – голос Храндис звучал хрипло, надрывно.

Шелест ткани позади заставил на время позабыть о вертящемся в голове вопросе. Первые шаги дались Хэльварду нелегко, точно стальные тиски сжали стопы и бедра, не давая сдвинуться в сторону бывшего друга. Ульв смотрел на него большими широко раскрытыми глазами. Смотрел неотрывно, не моргая, лишь утратившие блеск зрачки дергано следовали за ним, выдавая крохи жизни в неподвижном теле.

– Стоило убежать? – спросил Хэльвард, не находясь в словах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.